

Далия Трускиновская

НАСЛЕДНИЦА ТАМПЛИЕРОВ



Даля Трускиновская
Наследница тамплиеров

«Снежный Ком»

2020

Трускиновская Д. М.

Наследница тамплиеров / Д. М. Трускиновская — «Снежный Ком», 2020

ISBN 978-5-6043755-5-6

Много тайн связано с орденом тамплиеров. Одна из важнейших – откуда у рыцарей было столько денег? То ли мудрецы Востока, то ли маги Запада создали таинственную Искскульскую плиту. Она способна обогатить того, кто сумеет ее укротить. И вот – двадцать первый век, плита досталась человеку, не имеющему на нее никаких прав. И законная наследница владельцев Лео фон Рейенталь приезжает в обычный провинциальный русский город, чтобы забрать свое имущество. Не она одна охотится за Искскульской плитой. Но лишь она твердо знает, что не в деньгах счастье.

ISBN 978-5-6043755-5-6

© Трускиновская Д. М., 2020
© Снежный Ком, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава первая	13
Глава вторая	21
Глава третья	28
Глава четвертая	37
Глава пятая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Далия Трускиновская

Наследница тамплиеров

Пролог

Осенью тысяча восемьсот семьдесят четвертого года на раскисшей дороге неподалеку от лифляндского городишки Икскюля намертво увяз экипаж.

В экипаже сидел немолодой, лет сорока пяти, господин в черном пальто из тонкого сукна на нутриевом меху и в великолепном черном цилиндре. Строгий взгляд темных глаз из-под черных сросшихся бровей был обращен в неведомые дали; казалось, господину все равно, едет ли карета или стоит на месте.

Больше в экипаже никого не было.

Кучер по-немецки окликал крестьянок, шедших по обочине, и требовал, чтобы кто-то добежал до баронской усадьбы, привел подмогу. Крестьянки отвечали по-латышски – они настолько не знали немецкого языка, чтобы вступать в переговоры. Наконец появилась телега, лошадей правил латыш, а на мешках сидел еврей-портной, прижимая к себе величайшее сокровище – швейную машинку, закутанную в мешковину. Это был обычный портновский заработок – уговорившись с хозяевами хуторов, странствовать от одного к другому, чтобы, прожив неделю или даже полторы, сшить все необходимое: пиджаки, брюки, жилеты, юбки и жакеты для женщин. Ткань и приклад были тут же, в телеге, в двух больших коробах.

Портной кое-как перевел с немецкого на латышский крики кучера.

– Он говорит – нужно бежать в усадьбу барона фон Апфельдорна, чтобы барон прислал людей и лошадей!

Крестьянки рассмеялись. Скупость и неуживчивость барона были всему краю известны. Потом они поплотнее завернулись в свои клетчатые платки из толсто спряденной и плотно сотканной шерсти, хорошо укрывавшие от дождя, и ушли. Уехал и портной – его ждали на хуторе, где он подрядился шить двум хозяйским дочкам приданое, а хозяйскому сыну – костюм для венчания.

Тогда кучер предложил выпрячь одну из лошадей и ехать в усадьбу за помощью.

– Поезжайте, Клаус, – сказал господин. – Проклятый тамплиер...

Клаус выпряг гнедую кобылку, отвел ее на обочину и вскочил на спину с ловкостью циркового вольтижера. Он сразу поднял лошадь в галоп и ускакал к усадьбе, до которой оставалось всего-то около трех верст. Верховая езда кучеру нравилась, он улыбался и дышал полной грудью, как и следует молодому, не старше тридцати лет, сильному и здоровому всаднику. Причем кучер явно был любимцем своего барина – тот его баловал хорошей добротной одеждой, шитыми на заказ сапогами. А сам кучер баловал себя отличной помадой для черных усов, которые красиво закручивались и бодро торчали.

Еще час спустя господин в блестящем цилиндре, осторожно перейдя по доскам через грязный двор, входил в дом, который более всего смахивал на длинную, почерневшую от времени, крытую плотно уложенным камышом конюшню. Была бы еще вынесенная поближе к дороге коновязь на дюжину конских морд – так можно и за корчму принять, причем за хорошую благоустроенную корчму, в которой под одной крышей имеется все – сарай, куда можно, если надо, и лошадей ставить, заводя через большие ворота, устроенные с торца; помещение для проезжающих с печкой и длинными лавками, с чистыми столами; в глубине здания – кухня с расписанной цветами печью и хозяйские комнаты.

Но это было одноэтажное жилище небогатого помещика со всеми службами, включая хлев и свинарник на задворках. Догадаться о свинарнике было нетрудно – господин в цилиндре сперва поморщился, потом поднес к длинному чуткому носу надушенный платок.

Но к торцу дома была пристроена вышка, сажен пять высотой, наверху у нее имелась открытая площадка. Прошли те времена, когда следовало сверху высматривать приближавшего неприятеля – в последний раз военные действия тут велись в незабвенном двенадцатом году. Однако вышку поставили сравнительно недавно – доски еще не успели приобрести того серебристого оттенка, который свойствен старой древесине.

Хозяин усадьбы вышел на крошечное крыльцо в шубе, наброшенной поверх халата, когда-то блистательного, атласного, с восточными узорами, теперь от грязи потускневшего. Голова его была непокрыта, жидкие седые волосы свисали вдоль щек до небритого, торчащего вперед, крупного подбородка.

– Добро пожаловать, добро пожаловать! – закричал он по-немецки.

И тут господин в цилиндре перешел на русский язык.

– Что это у вас такая страшная грязь? – брезгливо спросил он. – За те деньги, что я вам посылал, можно было хотя бы двор прибрать.

– Все деньги вложены в дело. Землекопам, рабочим, возчикам... Я велел принести плиту в дом, она у меня в спальне. Петер, помоги господину раздеться!

– Мне Клаус поможет.

Господин в цилиндре очень сомневался, что здешний Петер выучился мыть руки.

Без цилиндра он оказался совершенно лысым. И, если приглядеться, видны были шершавые островки у висков и на затылке – из особого высокомерия, утратив большую часть волос, этот господин велел сбривать себе и оставшиеся.

Потом они проследовали в спальню: один – статный, с неистребимой военной выправкой, другой – сутулый, шаркающий древними турецкими туфлями. А Клаус долго мыкался по дому, ища чистое местечко для хозяйского имущества. Молодая кухарка Гриета исподтишка на него поглядывала: вот бы заполучить такого молодца! Она не знала, что Клаус по женской части брезглив и высоко себя ставит.

В спальне был суший бедлам – мебель громоздилась у стен, а посередке на четырех чурбанах лежала каменная плита. Размером она была – чуть ли не как постель для супружеской четы. Лысый господин хотел спросить, как ее удалось протащить в низкую дверь, но воздержался.

– Видите? Я втер в рисунок особую графитную пасту, а потом шлифовал плиту, и теперь отчетливо видно, что на ней вырезано! – с гордостью объявил барон фон Апфельдорн. – Сам, своими руками! Никому не мог доверить!

– Вижу.

На плите был вырезан круг – более аршина в поперечнике. Его делили на разнообразные куски линии – толстые и тонкие, одни шли от середины, другие охватывали бока. Также в кругу были очертания странной фигуры – вроде двуглавого всадника на осле. На нескольких линиях имелись круглые углубления, вроде лунок. Еще в большом круге были другие, поменьше. Словом, рисунок получился загадочный и непонятный.

– Вот! – воскликнул барон, тыча пальцем в плиту. – Крест тамплиеров! Видите? Вот, вот...

– Да, это он, – согласился лысый господин, склонившись над плитой. – Их тут два.

– Один вписан в круг, другой – в щит. Когда-то они были красными. На самом деле их шесть – посмотрите в лунки, там тоже на дне кресты. Ну что же, звезды нам благоприятствуют, я этой ночью взбирался на вышку, наблюдал созвездия. Они приблизительно соответствуют моей натальной карте. Сатурн... Марс... Венера...

Барон показал лунки, которым дал звездные имена.

– По-вашему, барон, это имеет значение?

– Допускаю, что имеет, – тихо сказал барон, но по лицу было видно – он придает натальной карте очень большое значение.

– Ну, ладно. Клаус! Принесите из экипажа сундучок.

В сундучке оказались монеты разных стран и разного достоинства, разложенные в бумажные конверты. Были среди них и очень старые – начала шестнадцатого века, как сказал лысый господин, выкладывая их на край плиты.

– Я предложил бы вам поужинать, но перед магическим ритуалом необходимо держать пост, – сказал барон.

– Я знаю. Пока не стемнело, мы можем сходить посмотреть на место, где вы откопали плиту.

– Там не на что смотреть. Только на ямы, в которых скопилась вода. И вот что я вам скажу! Мы вовремя успели! На месте Иксюльского замка хотят строить церковь! Уже приезжали землемеры и архитектор из Риги, снимали планы. Если бы они начали копать первыми и нашли плиту, мы бы ее никогда больше не увидели. А ее, может быть, велел вырезать мой предок. Вы знаете, что я по материнской линии происхожу от Фитингофов?

Лысому господину было лень припоминать всех крестоносцев, от которых за три года знакомства успел произойти барон. Тем более что Фитингофов в крестоносные времена в Вестфалии было немало. Уж этим вопросом лысый господин занимался основательно – он хотел понять, какая может быть родня у человека, чья жизнь очень его интересовала.

– К тому же туда нужно подниматься. Тропа – узкая и скользкая. Замок – на берегу Двины, а берег высокий. И лучшее, что мы там можем увидеть, это куски доломита, из которого он был построен еще при епископе Мейнхарде. Здесь была его первая резиденция. Поверьте мне...

– Я хочу пройтись и подышать свежим воздухом.

Избалованный нос лысого господина уловил совсем уж гадкий запах – на кухне подгорела брошенная на плиту жирная тряпка.

– Но вокруг – сплошная грязь, осень, видите ли...

– Вижу. Тогда отведите меня в комнату, куда не доносятся кухонные ароматы.

– Ароматы? – удивился барон. – Вы о чем, сударь? Там Гриета готовит ужин... для работников, для работников! Мы ведь держим пост! Хотя вода дозволена. Хотите, я велю Петеру подать холодной воды?

– Не надо. Я пошлю Клауса к колодцу.

Клаус вернулся и мрачно доложил: какой-то феноменальный дурак поставил в двадцати шагах от колодца хлев, и чтобы дойти, нужно шлепать по навозной жиже. Так что зачерпнуть воды из такого сомнительного колодца кучер не рискнул.

– Возьмите Лизетту, скачите к ближайшей корчме и добудьте чистой воды. Заодно узнайте, можно ли там переночевать.

– Будет сделано, господин Вернер.

– Как? Я же распорядился, чтобы вам тут приготовили постель! – возмутился барон.

– Благодарю. Мне будет удобнее в корчме, – сухо ответил лысый господин. И отодвинул стулья, загородившие книжный шкаф.

Барон надулся. Он не понимал, что смутило гостя. Сам он вырос в примерно такой же усадьбе, эту приобрел недавно на деньги лысого господина – требовалось жилище недалеко от развалин замка. И он даже гордился тем, что сумел навести в ней кое-какой порядок.

Им следовало обсудить подробности ритуала, но взаимное недовольство мешало обоим: один обиделся, что его труды не оценили, другой неожиданно осознал, что зря потратил кучу денег. Только ближе к полуночи оба собрались с духом, чтобы действовать.

Барон даже переоделся – оказалось, он где-то раздобыл длинный черный халат и решил считать его мантией. На голову он надел черную шапочку вроде ермолки и преобразился: только что был неряшливым стариком, и вдруг сделался то ли магом, то ли алхимиком. Последнее, что он сделал, – повесил на грудь красный тамплиерский крест в круге, вырезанный из дерева и аккуратно раскрашенный. Круг был величиной с суповую тарелку и весил никак не меньше трех фунтов.

Лысый господин (барон обращался к нему «господин Вернер», но до сих пор не знал, это имя или фамилия) тоже достал из саквояжа одеяние, но ослепительно белое, с нашитым тамплиерским крестом, также красным, только побольше. Одеяние помялось в дороге, но доверять его кухарке Гриете лысый господин не рискнул – в доме барона фон Апфельдорна уютно, несомненно, было, но чистить его от ржавчины и грязи пришлось бы до утра. Если бы в баронской усадьбе пекли в этот день хлеб, можно было бы воспользоваться старым крестьянским способом и разгладить ткань горячими ковригами, сперва укрыв самой чистой простыней, какая только есть в хозяйстве. Но хлеб не пекли, так что пришлось обойтись.

Свое одеяние лысый господин натянул поверх сюртука – в спальне было холодно, потому что огонь в печке мог все испортить. Огонь мог быть только от трех свечек – это барон, собиравший все о тайных ритуалах, вычитал в одной умной книжке, и лысый господин спорить не стал.

– Нужно помолиться, – сказал он. – Я привез молитвенник семнадцатого века – самый старый, какой мог достать.

– Вы уверены, что тамплиеры читали именно такие молитвы?

– Я уверен, что они молились по-латыни, а латынь времени неподвластна, что ей сделается...

После чего барон принес три мельхиоровых подсвечника, в каждом стояло по большой белой свече, зажег их, а керосиновую лампу погасил. Эти подсвечники были установлены на плите в круге, там, где линии, пересекаясь, образовали правильный треугольник.

Затем лысый господин достал из сундучка конверты с монетами, которые лежали сверху, и стал раскладывать монеты по лункам. Барон внимательно следил. Вдруг он переместил две монеты.

– Это еще зачем?

– Они должны быть выпущены в одном году и совпадать по номиналу.

– Где вы это вычитали?

– Нигде. Своим умом дошел!

– Вы с вашей супругой совпадали по году выпуска?

Ответа не было.

Разложив монеты, лысый господин достал из сундучка большой конверт.

– Тут заклинание, – сказал он. – Нарочно отыскал знатока средневековой латыни, ездил к нему в Дюссельдорф. Читать буду я. Вы собьетесь.

– Отчего это я собьюсь?!

– Оттого, что вы не знаете заклинания, а я его наизусть выучил. Текст мне нужен на всякий случай, для уверенности. Остается один вопрос. Как быть с вашими работниками?

– А что?

– Они могут подслушивать.

– Они не поймут ни черта. Это латыши.

– Я узнавал – среди латышей встречаются грамотные, которые хорошо знают немецкий.

– Моя Гриета? Она знает двести слов. Петер – столько же. А батраки живут на соседнем хуторе и уходят туда ночевать.

Лысый господин выглянул в окно. Оно смотрело не на дорогу, а на задний двор. Там в полусотне сажен от усадьбы стояли домишки для прислуги, клеть и баня. Ни одно окошко

не светилося. Барон не солгал – батраки действительно тут не жили, и даже в бане хозяин не приютил какого-нибудь слабосильного старика, как это часто делалось в здешних краях.

– Кучер? – спросил лысый господин.

– Кучер?.. Это простой парень, он исполняет обязанности конюха и помогает Петеру по хозяйству.

– Плиту сюда переносили батраки?

– Да...

– Ну, ладно. Теперь уже ничего не изменишь. Ваш племянник?

– Эрнест живет и учится в Риге, я поместил его в приличное семейство на полный пансион. Тут негде учиться. И сюда его не заманишь, особенно в такую погоду. А ваш Клаус?

– Клаус – надежный человек, мы вместе... Впрочем, это не имеет значения. Запирайте дверь, господин барон, и приступим.

Они прочитали по молитвеннику несколько молитв, причем читал лысый господин, а барон повторял. Потом настало время для заклинания.

Заклинание полностью противоречило молитвам. Вместо Мадонны призывался на помощь демон Бафомет со всей своей адской свитой. Лысый господин читал нараспев, взмахивая руками и запрокидывая голову. Барон уперся руками в плиту, смотрел на три огонька и, когда прозвучало роковое «Да будет так!», резко дунул.

Две свечи погасли, одной удалось спасти огонек.

– Черт бы вас побрал! – напустился лысый господин на барона. – Уже и свечу погасить вы неспособны!

– Я не успел подготовиться!

– Не успел!

– Вы должны были предупредить!

– Вы знали, что свет нужно гасить после «так»!

– Все пропало, все пропало! Когда еще будет такая ночь?..

– В ближайшее полнолуние, растяпа!

– Нет – когда еще звезды опять встанут соответственно моей натальной карте?!

– Черт бы побрал вашу натальную карту!

– Нет! Все дело в ней! Поскольку я – прямой потомок Арно де Бетанкура, ритуал должен сработать только с моим участием! Он заложил в механику ритуала миг моего рождения!

– Это что-то новое, господин барон! Давно ли додумались?

– Я всегда знал это! Я – прямой потомок тамплиеров...

– ...дававших обет безбрачия!.. Ладно, хватит. Пробуем еще раз, – хмуро сказал лысый господин. – Зажигайте свечи. Перед тем как гасить, я дам знак, вот такой.

Он щелкнул пальцами.

– Нельзя. Это же звук.

– Это будет без звука. Итак... вы куда полезли?..

– Я спички уронил.

Лысый господин возвел взор к потолку.

Наконец они, помолчав и внутренне настроившись на магический лад, были готовы повторить ритуал.

После молитв, заклинания «Да будет так!» все три свечи погасли.

В полном мраке и неподвижности незаконный потомок тамплиеров, очевидно – всех сразу, и лысый господин простояли по меньшей мере десять минут. Потом у барона отчаянно зачесался нос. Пришлось поскрести.

– Не двигайтесь, ради всего святого... Вы им мешаете... – зашипел лысый господин.

– Молчите... вы же их испугаете...

– Тихо, тихо...

– А... А... Апчхи!

Случается же такой чих – как будто из револьвера пальнули.

– Болван! Вы все погубили! Хватит! Я устал. Мне надоело тратить деньги. Плиту я забирал, она моя, – холодно сказал лысый господин. – За ту сумму, в которую мне обошлись поиск и откапывание, можно было новый Иксюльский замок построить.

– Ваша, ваша... – пробормотал ошалевший от огорчения и отчаяния барон.

– И не вздумайте ее прятать! Найду. Зажигайте керосиновую лампу.

Раздался стук. Лысый господин не сразу сообразил, что барон грохнулся на колени.

– Что еще? – спросил он.

– Всего один разочек! Гриета, Гриета! Принеси огня! Гриета, дура, ты спишь?!

– Как вы меня утомили...

Явилась кухарка с клоком горящей бересты, барон встал, зажег лампу и выпроводил Гриету.

– Расписку пишите! – потребовал лысый господин.

Расписка была самая простая: в том, что барон фон Апфельдорн получил в уплату за каменную плиту, имеющую историческую ценность, с резьбой, изображающей двух всадников на одном коне, тысячу четыреста пятьдесят рублей. На самом деле потрачено было куда больше, но лысый господин разумно рассудил: если поставить истинную сумму, то расписка ввергнет юристов, в случае судебного процесса, в великое недоумение. В расписке он назвал себя Вернером фон Рейенталем.

Поставив росчерк, барон навис над плитой, чуть ли не носом тычась в каменную резьбу.

– Они могли, мы ведь долго ждали... – пробормотал он. – А что, если это не те монеты? Господин Вернер, давайте попробуем другие!

– Пожалуй...

Монеты из других конвертов были уложены в лунки. Барон стал зажигать свечи, и тут случился спор: если монеты – новые, то и свечи должны быть новые, так решил лысый господин, а барон не понимал его логики. Однако новые свечи были вставлены в подсвечники, керосиновая лампа потушена, ритуал начался с самого начала – с латинских молитв, хождения вокруг плиты, махания руками над свечками и, естественно, заклинания.

Лысый господин вдруг заметил, что перестал ощущать запахи. Запахов в старой усадьбе было много – пыли, гнили, кошачьих проказ, и это еще не считая кухонных.

Барон же понял, что оглох. Голос лысого господина сделался сперва далеким, еле слышимым, потом и вовсе пропал.

При этом лысый господин ощутил прикосновение к груди и животу, словно бы лег лицом вниз на постель. А барон, напротив, ощутил такое же прикосновение к спине и даже сделал шаг вперед, но оно никуда не делось.

Оба испугались, но ритуал продолжался.

При этом поразительные мысли лезли им в головы. Казалось бы, нужно сосредоточиться на латинских словах, выговаривая их четко и правильно, влагая в них всю силу души. Но барон вдруг представил себе Гриету – как она ложится в постель, сняв все, кроме рубахи и вязаных толстых чулок с цветным узором. Лысый господин же увидел сорокалетнюю даму, которая точно так же раздевалась перед ним, но он был в тот миг семнадцатилетним гимназистом, не желавшим пойти с однокашниками в бордель из брезгливости, а желавшим именно светскую красавицу, о которой ходили слухи, что-де немало себе позволяет.

Это было совершенно некстати.

Вдруг на плите, не дожидаясь торжественного «Да будет так!», вспыхнула большая голубая искра. Одновременно все три свечи погасли.

Барон, стоявший ближе, шархнулся от нее, лысый господин онемел. Во рту у него образовалась неприятная слюна – с металлическим привкусом, мешавшая говорить.

Искра покачалась в воздухе между лысым господином и бароном, оставляя след в виде тонкого дымка, и медленно поплыла над вырезанным кругом. Воздух задрожал, светлый дымок заструился, всадники зашевелились...

– Оно! Оно! Оно! – закричал барон.

– Матерь божья... – пробормотал, слотнув, лысый господин. – Что вы стоите?! Зажигайте лампу!

– Нет, нет, пусть оно сперва уйдет!

Но искра просто так уходить не желала – более того, она явственно разозлилась, как будто не получила желаемого. А злость голубой искры – вещь опасная. Сперва она, метнувшись в сторону, подожгла рукав баронского халата, потом устремилась к лысому господину. Тот с перепугу прихлопнул ее толстой книгой – латинским молитвенником. Искра, упав в середину круга, на каменных всадников, зашипела, пустила последний дымок и более не безобразничала.

Барон сбивал с рукава пламя тем, что подвернулось под руку, – подушкой. Лысый господин поспешил на помощь. Пламя оказалось упрямым и холодным. Но рукав пожирало исправно, и один длинный острый язычок уже лизнул тамплиерский крест. Наконец лысый господин вытряхнул барона из халата и приказал звать Гриету с ведром воды. Заодно Гриете крикнули принести огонь. Но стряпуха явилась не сразу, в чепце набекрень и с шалыми глазами. За ней ворвался кучер Клаус, в каждой руке держа по револьверу.

Когда лампу зажгли, черный халат утопили в ведре, Гриету прогнали на кухню – вздуть самовар и готовить хоть какой ужин, Клауса отправили за дровами, чтобы наконец затопить печь, наступила самая главная во всем этом деле пора.

Барон и лысый господин склонились над плитой.

Во всех лунках лежали тусклые монеты, в двух – блестящие. И более того – они лежали поверх тусклых.

– Получилось! – воскликнул барон. – Но как, как? Что именно сработало? Почему – эти? Почему не другие?!

Лысый господин потянулся к ним пальцем, но в последнюю долю секунды отдернул палец.

– Секрет тамплиеров – наш! Нет больше секрета тамплиеров! – продолжал буянить барон. – А они не верили! Они смеялись! Когда я понял, что деньги могут размножаться, – что мне сказали? Что я старый безумец! Что деньги размножаются одним путем – когда их кладут в банк под проценты! А откуда у тамплиеров были деньги? В таком количестве? Они что – из Америки серебро привозили? Да, да, я и такое слышал! Из Америки – ха-ха-ха! Дураки! Болваны! Деньги спят, их нужно только разбудить! И они будут размножаться! Но я должен понять – почему именно эти монеты? Я пойму, я пойму! Размножаться будут все! Господин Вернер, сколько вы вложили в дело? Теперь вы через месяц получите двести процентов, потом – четыреста, потом – тысячу шестьсот процентов, представляете?

– Представляю. Но вы сперва возьмите эти деньги в руку, – предложил лысый господин. Он должен был бы усмехнуться, потому что расписка уже лежала во внутреннем кармане его черного сюртука, но сдержал усмешку.

– И возьму! Вот, взял... что такое?! Они горячие!

Монеты, выскочив из ладони, разбежались по плите. Теперь стало видно – это два старых нассауских кроненталера, весьма потертых, и два новых, словно только что отштампованных, с четким рисунком – увенчанный короной гербовый щит, а на нем – стоящий на задних лапах лев.

– Мы открыли только половину тайны, – сказал лысый господин. – Или даже вовсе четверть. А главная загадка, боюсь, так просто в руки не дастся, а завтра попробуем провести ритуал с другими монетами. Может, что-нибудь пойдем.

Барон съежился под его ледяным взглядом. Барон был слишком взволнован и напуган.

– Моя мантия... мантия погибла!.. – воскликнул он. – И крест!

– Где он?

– В ведре! С него, наверно, уже смылась краска!

– Боже мой, какой же вы остолоп... Зовите свою Гриету. Клаус, Клаус!

Кучер очень скоро появился.

– Ты привез хорошую воду?

– Да, ваша милость.

– Очень хорошо. Принеси из экипажа корзинку с продовольствием. Возьми там себе холодного мяса и хлеба, чаем я с тобой поделюсь. А завтра привезешь свежий горячий завтрак из корчмы.

– Как прикажете.

Клаус едва заметно ухмыльнулся в усы, и точно так же ухмыльнулся лысый господин. Эти двое прекрасно понимали друг друга.

Глава первая

Софья Андреевна шла домой неторопливо, поглядывая на витрины. Это было ежедневной обязательной прогулкой: после работы – пешком до дома за двадцать минут. Помешать могли только ливень, гололед или совсем уж антарктический мороз.

У нее было два маршрута – через старый торговый центр «Альфа» и через новый торговый центр «Бонус». И в том, и в другом она могла купить фруктов к ужину (Софья Андреевна блюла фигуру), изучить скидки (на вещи, которые ей совсем не были нужны; нужные она покупала в других местах), выпить стакан свежесжатого сока. Иногда она просто шла насквозь, иногда застревала, чтобы купить колготки или новую шапочку для душа.

Деньги у нее были, она неплохо зарабатывала, и именно поэтому не тратилась на всякую дорогостоящую ерунду. Она знала, что даже очень хорошие зимние сапоги не должны стоить больше десяти тысяч. Если в этих сапогах предстоит ходить по улицам, которые в пору гололеда поливают всякой едкой химией, то следует смириться с тем, что они на один сезон и стоить должны соответственно. А вот норковый жакет – по меньшей мере на пять сезонов, и, опять же, он имеет право стоить соответственно.

При этом она не была скупердяйкой. При всей своей деловитости и расчетливости Софья Андреевна могла потратить немалую сумму на какую-то свою блажь. Потому что норковый жакет для дамы на выданье – необходимость, а блажь – чисто для радости.

В тот день Софья Андреевна целенаправленно заглянула в обувные магазинчики – лето кончалось, и ей хотелось к следующему лету взять две пары босоножек на каждый день со скидкой в семьдесят процентов. Обувь на выход у нее имелась – разведясь с мужем в пятьдесят лет, Софья Андреевна собиралась найти нового спутника жизни, поэтому очень о своих нарядах заботилась. Так что домой она явилась на час позже, чем обычно, и во дворе на лавочке обнаружила крестницу Анюту. Анюта горько плакала, при этом не забывая колыхать большую нарядную коляску.

– Теть-Сонь, я вам звонила, звонила... я уже не знала, что подумать... все рушится, а тут еще и вы...

– Тю на тебя!

Софья Андреевна, женщина мудрая, шастая по торговым центрам, закапывала айфон и кошелек так глубоко в сумку, что не слышала рингтона.

Крестница приходила в гости редко, потому что говорить особо им было не о чем. Эта Анюта приходилась какой-то восьмиюродной племянницей бывшему супругу, и Софья Андреевна оказалась крестной матерью ради соблюдения хороших отношений с мужчиной родней. Анюте было тогда четыре года, и Софья Андреевна по мере возможности делала ей приличные подарки – то кофточку, то скромные сережки. Когда отношения с мужем пошли вразнос, она потеряла крестницу из виду. Знала только, что Анюта вышла замуж, но, поскольку на свадьбу не позвали, обошлось без подарка.

И вот – радуйтесь! Оказывается, уже есть годовалое дитя!

Естественно, Софья Андреевна не позволила Анюте рыдать во дворе, а сама покатила коляску к подъезду и установила в лифте. Дом был старый, лифт – крошечный, кроме коляски, там с трудом помещался один человек, поэтому Анюте пришлось подниматься пешком.

И только на кухне, почтенной кухне старого образца, площадью в четырнадцать квадратов, за чашкой крепкого кофе, Анюта рассказала свою горестную историю.

Да, влюбилась – кто бы не влюбился? Да, забеременела – кто бы не забеременел? Да, спешно поженились. Парень оказался порядочным, даже чересчур – очень долго скрывал от Анюты, что в амурные отношения с ней вступил назло той, единственной и неповторимой,

которую любил больше жизни; в загс пошел лишь по причине порядочности. Но вот правда вылезла наружу.

И прозвучало слово «развод».

Разводиться, когда ребенку всего годик, нехорошо, и супруг просто ушел из дома без всяких формальностей. Взял и ушел. К той, к любимой.

Анюта не хотела отпускать, кричала, плакала, и они разругались вдребезги. Так что трудно было предположить, когда муж немного остынет и хотя бы с кем-то из знакомых передаст немного денег на воспитание ребенка.

– Я никогда в жизни так не кричала, это была не я, – жаловалась Анюта. – Я дура, мне и папа всегда говорил, что я дура... А что я должна была сделать?..

И она очень жалостно хлопнула носом.

Софья Андреевна не умела утешать. Она знала только один способ успокоить плачущую женщину.

– Ну, не реви, – сказала она. – Если я дам тебе сорок тысяч – тебе этого на первое время хватит?

– Хватит... А отдавать?!

На кухне всегда были два-три рулона бумажных полотенец. Софья Андреевна оторвала длинную полосу и протянула крестнице.

– Вытри личико. Отдашь, когда сможешь.

– А когда смогу?.. Работы нет, мужа нет, ничего нет!

И крестница опять захлопала носом.

– Ты хорошо влипла. Но он оставил тебе квартиру, потом начнет платить алименты. Квартира двухкомнатная, одну комнату будешь сдавать. Ничего, выкрутишься.

– Про... простите меня...

– За что прощать-то? Покойная Люся меня просила – не бросай Анютку. Так что – вот, не бросаю. Но должна я тебе сказать, милая крестница, что папа прав и была ты душой. Обязательно было за него замуж идти? Обязательно было ему сына рожать? Ты же неглупая девка! А тут на тебя помутнение, что ли, нашло?

– Помутнение, тетя Соня... Я думала...

– Что думала?

– Что он меня любит...

Анюта разрыдалась.

– Вытриай рожу! – прикрикнула Софья Андреевна. – И высморкайся как следует! Погоди-ка...

В шкафчике, так высоко и глубоко, что без табуретки не достать, стояла бутылка коньяка. Расставшись с мужем, Софья Андреевна так впряглась в работу, чтобы прогнать из головы посторонние мысли, что домой приползала чуть живая и нуждалась в лекарстве от переутомления. Сперва это были пятьдесят граммов, потом сто, потом она испугалась грозящего алкоголизма: сто граммов каждый вечер, без которых не спится и настроение не поправляется, – это уже опасно. Выливать коньяк в раковину она не стала, просто спрятала – мало ли что? Был у нее рецепт хвороста, доставшийся от бабки, и туда для аппетитного хруста как раз следовало добавлять коньяк. Софья Андреевна очень надеялась, что вскоре за этим вот столом вместо Анюты будет сидеть мужчина, ради которого не жалко потратить два часа на хворост.

Она с трудом добыла бутылку и, чтобы не мыть лишнюю посуду, плеснула коньяка в Анютину кружку, где еще оставалось немного кофе.

Средство подействовало. Еще минут пять Анюта хныкала, жалела сыночка Феденьку, который не нужен своему папочке, потом захныкал и Феденька в коляске. Поменяв памперс и дав ребенку в ручку кусок баранки, пригодный, чтобы мусолить, Анюта сказала:

– Тетя Соня, мне нужно устроиться на хорошую работу!

– Правильно. А что ты умеешь?

– Я бухгалтерский техникум окончила.

Своим дипломом Аня очень гордилась. Он словно бы поднимал ее над одноклассницами, которые после школы сразу пошли продавщицами кто на рынок, кто в торговый центр, в крошечный магазинчик с китайским барахлом.

– Все-таки окончила? А сколько работала по специальности? Два месяца? И потом – в декрет? Нет, бухгалтеров теперь развелось – по пять штук на душу населения. В маникюрши-педикюрши ты сама не пойдешь... Так... Хорошая работа для девочки, которая ничего не умеет...

Это была отличная задачка для деловой женщины. Софья Андреевна даже стала барабанивать пальцами по столу и вдруг с ужасом уставилась на свою руку.

– Боже мой, перстень!

– Какой перстень? Тот, с красным камнем? – спросила Аня.

– Бабкин перстень! Проклятая диета! Почему-то первыми пальцы худеют! Я знаю, где он с руки скатился, – в туалете, когда я руки мыла!

– Так, может, он там и лежит?

– Это туалет в торговом центре! Он там недолго пролежит! Вот дура, вот дура...

– Погодите, тетя Соня, погодите! – воскликнула Аня. – Не может быть, чтобы вы смотрели на мокрые руки и не заметили, что перстень пропал. Он же должен был стукнуть! Тетя Соня, он где-то в другом месте, погодите...

Аня стала тереть ладошку о ладошку. Софья Андреевна вспомнила – это был давний, еще совсем сопливых времен, необъяснимый жест крестницы.

– Точно, ты в детстве умела пропажи отыскивать! Думай, думай...

– Тут не думать надо, тут как-то иначе...

Софья Андреевна с некоторой тревогой следила за руками Ани. Руки вздрагивали, вступали в сложные отношения, правая словно что-то выливали из ладони, левая описала вокруг правой круг, и несколько секунд спустя обе стали двигаться одинаково – как будто пришепывая незримую субстанцию, распространяющуюся вверх.

– Тетя Соня, где ваша сумка? – спросила Аня.

– Сейчас!

Софья Андреевна принесла из прихожей сумку – дорогую и стильную, потому что в юности ее научили не экономить на сумках. Аня открыла ее и вытряхнула на кухонный стол.

– Вот ваш перстень, тетя Соня, – сказала она. – Вы за чем-то в сумку лазили, и он зацепился.

– Вот это интуиция! – Софья Андреевна сразу надела перстень на средний палец. – Как это у тебя получилось? Вот это?

Софья Андреевна попробовала повторить Анины жесты.

– Теть-Сонь, вы что делаете?

Софья Андреевна удивленно посмотрела на Аню. Крестница не притворялась.

– Мистика... Ты что, действительно себя не контролируешь?

Аня даже растерялась.

– А что, надо?

Софья Андреевна была настоящей деловой женщиной – не загромождала свою единственную голову лишней информацией. Голова была ей нужна для работы, а рассуждения о магических пассажах для деловой женщины совершенно бесполезны. Поэтому она не стала спрашивать Аню, а задумалась. Способность искать пропажи – хороший товар...

– Слушай, Аня, я придумала для тебя работу. Помнишь дядю Борю? Твоя мама еще чуть за него замуж не вышла?

Покойная Люся, было дело, собралась как-то бросить мужа, Анютино папу, и даже знакомила дочку с женихом; правда, ничего не получилось.

– Помню. Серьезный дяденька, – неуверенно ответила Аня.

Она тоже не держала в голове лишней информации; взрослый дяденька был для ребенка совершенно лишним. Когда он исчез с Анютино горизонта, она ни разу о нем не вспомнила.

– Этот серьезный дяденька – банкир, торгует недвижимостью, что-то он еще с железной дорогой делает, кажется, был какой-то контракт о покупке локомотивов... – Софья Андреевна задумалась, вспоминая подробности, но вдруг поняла, что они сейчас не имеют значения. – Он такой человек – деньги к нему сами липнут. А начинал он двадцать пять лет назад с сети гадальных салонов. Почему – не спрашивай! Я сама в один бегала, пока не поумнела. Там он по старой дружбе велел меня обслуживать бесплатно. Ну так вот, тот салон еще жив, Борька... То есть Борис Семенович... В общем, он не просто этот салон сохранил, а у него там вроде штаб-квартиры... Ну, игрушка у него такая! Так вот, Аня, я и думаю – надо ему позвонить. Может, там гадалка нужна.

– Тетя Соня, да я не умею гадать! И вообще – ни во что такое больше не верю! И какая из меня гадалка?! Вы на меня посмотрите! Они же там все черные и лохматые! – с ненавистью воскликнула крестница.

Аня была блондинкой, притом постриженной коротко и неудачно, а вот разлучница – как раз кудрявой длинноволосой брюнеткой.

– С чего-то же нужно начинать. Ты умеешь искать пропажи – тут ты спорить не станешь? Ну вот я тебя к нему и пристрою.

– Не надо, тетя-Сонь. Лучше я уборщицей пойду. В детский садик...

– Можно еще мыть полы в привокзальном сортире! – рявкнула Софья Андреевна и взяла айфон. – Борька, Борька... ну буквы «бэ» нет... Успенский... на букву «у» тоже нет... «Трансинвест»? И на букву «тэ» нет, куда же он запропастился? А! Вспомнила, на букву «и»! Этот салон называется «Инари»!

Аня не проявила к слову ни малейшего интереса, но Софья Андреевна вспомнила, что еще тогда, четверть века назад, собиралась узнать его смысл, да все как-то не собралась.

– Гугль нам в помощь, – пробормотала она.

С айфона Софья Андреевна вышла в Интернет и полминуты спустя прочитала:

– Инари, так, так... Японская богиня изобилия, риса и житейского успеха... А что? Годная богиня! Сейчас я ему позвоню...

– Я не хочу быть гадалкой!

– А чего ты хочешь?

Это был страшный вопрос. Аня, уж так получилось, никогда ничего не хотела. То есть новые туфли, колечко, курточка, замуж, модные духи, своя квартира – такие желания у нее были. Но в бухгалтерский техникум ее загнали чуть ли не пинками – учиться она не хотела, быть бухгалтером тоже не хотела, получать какую-то другую профессию – тоже... Поскольку кем-то же нужно быть, она смирилась и с большим трудом получила диплом.

Ей даже было смешно слышать, когда какая-то из подружек говорила: хочу стать завотделом, хочу поступить в институт. Аня не понимала, как можно этого хотеть. Слово «карьера» в ее лексикон не входило. А в ее Вселенной, похоже, не было ни прошлого, ни будущего, один только нынешний день с его заботами и потребностями.

Но зато у нее была железная хватка, которая проявлялась в отношениях с людьми. Вцепившись в подружку, Аня ни с кем не желала ее делить, пока бедная жертва не находила себе парня. Эта хватка оказалась роковой – если бы Аня так не вцепилась в будущего мужа, то не затащила бы его в загс по случаю беременности и не осталась у разбитого корыта.

– Может быть, ты хочешь, чтобы у всех дети ели фрукты, а твой Федька радовался картошке? – сурово спросила Софья Андреевна. Удар был ниже пояса – крестная знала, что

незатейливые молодые женщины, вроде Анюты, часто становятся сумасшедшими мамашами и видят смысл жизни в том, чтобы у ребенка все было не хуже, чем у других.

– Нет, – буркнула Анюта.

– И попробуй только не пойти в это самое «Инари»! Алло? Боря? Это Соня, вспомнил? Боря, тут у меня для тебя подарок – девочка с фантастической интуицией. Дочка покойной Люси, вспомнил? Тебе такая в «Инари» не нужна? Ага! Она завтра к тебе подойдет... В шесть ровно? Хорошо, и скажет, что от меня. У тебя все в порядке? И у меня все в порядке. Пока!

Вот так, без лишних раздумий, практически без сострадания и сочувствия, Софья Андреевна решила судьбу крестницы.

Анюте не очень хотелось идти в салон, причина была уважительная – она незадолго до свадьбы потратила на гадалку и какой-то невероятный любовный приворот кучу денег. Приворот оказался краткосрочный, восстановлению не подлежал. И отношение к таким салонам у Анюты было самое отвратительное. Но выбирать не приходилось: или гадальный салон, или торговать картошкой на базаре, причем неизвестно, возьмут ли маленькую хрупкую Анюту туда, где нужно переставлять мешки с корнеплодами.

Так что на следующий день она пошла в «Инари», взяв с собой Феденьку – а куда же его девать?

Гадальный салон помещался в современном здании, вход имел из Савельевского переулка, соседями его были флористический салон и маленькая студия дизайна – такого дизайнера, который и у совершенно здорового человека способен спровоцировать шизофрению. Здание занимало примерно четверть квартала, и выходящий на Речную улицу фасад был украшен двумя здоровенными вывесками – банковской «Трансинвест» и загадочной «Steelballs».

Рядом стоял старинный дом с грамотно отреставрированным фасадом. Контраст был удивительный. Но Анюта ничего не смыслила в архитектуре. В истории, впрочем, тоже.

Дом был творением известного архитектора, к нему даже экскурсантов приводили. Он и имя имел – Афанасьевский, поскольку строил его невесть когда, еще в восемнадцатом веке, богатейший купец Афанасьев, тот самый, который дал имя еще одной протасовской достопримечательности – Афанасьевским Горкам. Там его иждивением воздвигли две богадельни – для одиноких вдов и отставных солдат. Как-то так вышло, что там вскоре стали селить умалишенных. И когда в середине двадцатого века город обзавелся неврологическим диспансером, воздвигнутым на месте богаделен, народ оставил за ним привычное название.

Афанасьевский дом был старинным только снаружи. Внутри он имел четыре квартиры, но какие квартиры! Двухуровневые, престижные! Две из них были с большими ванными комнатами, где помещались джакузи, а две другие – не только с джакузи, но и с саунами в подвале. Хорошо было и то, что имелась своя стоянка – в Парковом переулке.

Память у Анюты была не то чтобы плохая – а просто выкидывала навеки то, что не требовалось в быту. Осколки и огрызки она все же иногда сохраняла – вот и этот перекресток Речной и Савельевского был чем-то знаком. Если бы Анюте сказали, что лет шесть назад тут стоял двухэтажный деревянный дом, куда она дважды приходила с любимой подружкой в гости еще к одной подружке, она бы только пожала плечами: изменения в городском пейзаже к ее жизни отношения не имели.

Дядя Боря, которого она с грехом пополам припомнила, оказался не таким, как пятнадцать лет назад, высоким и стройным брюнетом, а толстым, крепко польсевшим, и росту в нем убавилось. Такое случается с мужчинами под шестьдесят. Однако взгляд был живой и бойкий.

– Входи, Анечка, – сказал он, увидев в дверях кабинета женщину с коляской. – Твой, что ли? Ну, как время летит! Знакомьтесь – Анечка, Дмитрий. Мой референт.

Дмитрий Анюте не понравился – слишком худое лицо, угловатые плечи, нос острый, темные волосы – плоской прядью на лбу, глаза глубоко посажены, усмешка кривоватая и хит-

роватая. Лет ему было – под тридцать. И Анята видела, что она тоже этому хорошо одетому мужчине не понравилась.

Слово «референт» ей ничего не говорило. И узнавать, что оно означает, Анята не желала – это была совершенно лишняя информация.

– Добрый день, Анечка, – сказал Дмитрий. – Так это про вас ходят по городу слухи, будто потрясающая интуиция?

Анята сперва испугалась, потом поняла, что это шутка такая, и рассердилась. Нужно было что-то ответить, но она не могла найти подходящих слов.

– Перестань, Митенька, – велел догадливый дядя Боря. – Видишь, девочка стесняется. Садись, Анечка. А коляску можно вон туда...

Анята впервые в жизни оказалась в кабинете начальника. Такие кабинеты она видела на телеэкране, но комната, куда она попала, выглядела как-то подозрительно. На стенах висели не картины, а застекленные витрины с монетами. Книжный шкаф был раскрыт, на полках стояли книги в старинных округлых переплетах, каждый переплет на вид – чуть ли не с Анятино бедро. На столе перед дядей Борей тоже лежали книги, а прямо перед его креслом был большой микроскоп.

И еще на столе были деньги – целая гора мелочи. Анята опознала евро, центы, естественно, пятирублевки и десятирублевки, прочие видела впервые в жизни.

– Интуиция, значит... Анечка, давай проведем эксперимент, – сказал дядя Боря. – Видишь деньги? Тут, в этой куче, возможно, есть пара монет с секретом.

– С каким секретом? – спросила Анята. Ей почему-то представилась очень плоская круглая коробочка, хотя и непонятно было, что можно держать в коробочке размером с пятирублевку.

– Этого я тебе пока не скажу, миленькая. А вот если тебе монета покажется необычной, именно покажется, ты мне ее отдашь. И потом у нас уже будет серьезный разговор. Или не будет – это как получится. Митя, пошли, не будем девочке мешать.

Они вышли из кабинета в дверь, которой Анята сразу не заметила.

Несколько минут Анята игралась с деньгами – раскладывала их по кучкам, потом строила из одинаковых столбики. Несколько крупных монет оказались совсем загадочными, из неведомых краев. Анята разглядывала их, пытаясь понять – неужели золото? И вот она вспомнила, для чего сюда явилась.

Как следует растерев руки, Анята стала трогать кончиками пальцев монетные столбики. Почему-то ей казалось, что это правильно. Потом она уловила тепло – может, миллионную долю градуса, но уловила. И она впала в то состояние, когда голова пуста, а руки самостоятельны.

Анята не знала, что под потолком прицеплена веб-камера, и за ее пассажирами следят из другой комнаты дядя Боря и Митенька. В этой комнате обычно сидел охранник, контролируя «Трансинвест», но сейчас его выставили.

– Смотри, смотри... – шептал дядя Боря. – Она точно что-то такое чувствует... Транс, клянусь крокодилами, она умеет вводить себя в транс!

– У нее не все дома, – ответил референт, глядя, как Анята с расфокусированным взглядом стучит по столу кулачком с зажатыми монетами.

– Митенька, у нормального человека ничего не получится...

Сам Борис Семенович был предельно нормален, но, начиная гадалый бизнес, на всякое насмотрелся. Лучшей гадалкой, какую он когда-либо видел и не сумел переманить к себе, была женщина с безумным взглядом и волосами дыбом, которую родственники уже боялись выпускать из дома. А референт Митенька был примерно таким же материалистом, как Анята, когда не вводила себя в состояние поиска, хотя в последнее время его материализм дал изряд-

ную трещину. Но Митенька полагал, что рано или поздно всему найдется научное объяснение, и не забивал себе голову сомнениями.

Анюта не знала, что ее правая рука обрела временный разум. Рука откуда-то знала, что если стучать кулаком по столу, температура монет повысится. Это произошло – и Анюта, опомнившись, отшвырнула монеты. Они полетели на пол.

Тогда только она опомнилась.

– Она вышла из транса и ничего не понимает, – сказал, глядя на экран, дядя Боря. – Возможно, мы нашли то, что нам требуется. Митенька, девочка с придурью, но ты уж разберись...

– И с придурью, и просто дура, – ответил референт. – Но как скажете, Борис Семенович. Идем, а то она сейчас, кажется, запаникует.

Они вошли в кабинет, и дядя Боря очень ласково заговорил с растерявшейся Анютой. Нужно было выпытать подробности, но она не знала никаких подробностей и не могла связно объяснить, что с ней произошло.

Дядя Боря был умен, а женщин на своем веку знал около двух сотен – близко, и столько же – по-приятельски. Случались и серьезные увлечения – вроде покойной Люси. Он усвоил: даже очень умная женщина любит маленькие подарки, а уж такая, как Анюта, даже не задумается, что подарок придется как-то отрабатывать.

– Ну ладно, Анечка, не буду тебя больше мучить. Вот твой гонорар. – И дядя Боря протянул конверт, в котором лежали две тысячные бумажки. – На самом деле ты нам очень помогла. Дай-ка я твой телефон запишу. Если что – буду звонить.

Анюта хотела спросить, не возьмут ли ее на работу, но уверенный тон дяди Бори сбил ее с толку.

– Хорошо, – сказала она и сразу заглянула в конверт.

Дядя Боря и референт переглянулись: совсем дикое дитя, не испорченное воспитанием.

Когда Анюта ушла, Митенька подобрал с пола монеты.

– Три штуки. Петровский пятак, двухеврик и десятирублевка.

– Пятак – это уже кое-что. Пятак в той шкатулке имеется! Двухеврик у нас впервые – если только у девочки получилось... Ну-ка, давай сюда десятирублевку.

Он положил монету на предметный столик микроскопа, тщательно изучил аверс и реверс, потом гурт.

– Ничего особенного... – пробормотал он. – Но что-то же девочка почувствовала. Митенька, без погружения не обойтись. Видишь, она как-то научилась сама себя вводить в транс. Значит, Митенька, организм у нее такой, и где самовнушение, там и внушение. Давай попробуем с пятаком.

– Будем пробовать.

Они вернулись в комнату, откуда наблюдали за Анютой.

Комната была не простая – кроме пяти экранов слежения (холл, операционный зал банка, несколько кабинетов, помещение «Инари» и какие-то еще комнаты сменяли друг друга, то увеличиваясь, то уменьшаясь), там были три стула, маленький столик с пультами и в углу – огораживавшие пятачок в квадратный метр перила. На этом пятачке был откидной люк.

Митенька открыл лаз в подвал и первым туда спустился.

Подвал тоже был не простой – посередине на бетонных цилиндрах высотой сантиметров семьдесят лежала каменная плита с резьбой. Кроме нее, там были стулья – три штуки, полки с книгами (что означало наличие вентиляции, потому что – кто же захочет портить плесенью старинные фолианты), а также – целая конструкция из ярких ламп, подвешенная над плитой, чтобы можно было разглядеть в подробностях каждую щербинку.

Соотнеся размеры плиты с шириной лаза, нетрудно было догадаться – ее сюда поместили еще во время строительства, и, чтобы ее извлечь, потребовалось бы разобрать все здание.

– Вряд ли у нее есть встроенные часы... – пробормотал дядя Боря, имея в виду каменную плиту. – Так что не будем ждать ночи. Хватит, если погасим свет.

Референт поставил на плиту три подсвечника, в каждом – по белой свечке.

– Вот интересно, что будет, если свечек – две или четыре? – спросил он. – Откуда взялось это «три»?

– Это ты узнаешь, Митенька, когда наконец встретишься со своим пра-пра... – сколько там этих «пра»? – дедушкой. И он тебе скажет, в каком трактате вычитал про «три».

– Царствие небесное тем трактатам. Погибли в пятом году, Борис Семенович, вместе с усадьбой. А если уцелели – наверняка лежат в чьей-то коллекции. После того как крестьяне разграбили и подожгли усадьбу, там наводили порядок жандармы. Видимо, трактаты прилипли к чьим-то шаловливым ручкам.

– Да, теперь уж поздно кудахтать и крыльями хлопать. Но главное у нас есть – плита. Осталось понять принцип действия. Ну, приступаем. Эксперимент следующий! Клади пятаки в лунки.

Глава вторая

Мир понемногу обретал четкость.

Сперва мутное пятно из бледно-серого стало желтоватым, потом – круглым, на нем обозначились трещины, после минутного изучения этих трещин оказалось, что это угловатые ветки, и даже с цветами, и даже название вспомнилось – сакура. Память, значит, тоже возвращалась.

Следующий шаг проснувшейся памяти – она определила круг с сакурой как плафон, в котором имеется пока незримая электрическая лампочка. Значит, над головой – потолок. Вряд ли на том свете имеются потолки. Выходит, жизнь продолжается.

Старик пошевелил пальцами – пальцы рук двигались и чувствовали ткань. Насчет пальцев ног он не был уверен.

Он чуть-чуть повернул голову влево. Плафон поехал вправо. Значит, шея у него еще была и действовала. Тогда он приоткрыл рот, отважился почмокать губами. Получилось.

Кончился нудный серый сон, в котором старик мыкался среди стен, медленно взлетая и падая, взлетая и падая. Память подсказала – перед тем как попасть в узкие пространства между стенами, был страх от невозможности дышать. А сколько времени старик провел между жизнью и смертью – даже память не знала.

Он улыбнулся – значит, есть надежда все успеть и рассказать! И ощутил на лице что-то непонятное. Это была приклеенная к щеке и вставленная в нос гибкая трубка, и заволновался. Нужно было позвать на помощь. Сразу не получилось – он смог издать только почти беззвучное «а-а-а», приправленное шипом и хрипом. Но, видимо, этого звука ждали.

Старик услышал быстрые шаги, потом увидел лицо – женское, немолодое, странной формы. Он не сразу понял, что отсутствие лба – это всего лишь белая низко надвинутая шапочка, которая сливалась с потолком.

– Ле-о... – выговорил он.

– Да, господин Вернер, Лео, – согласилась женщина. – Она обрадуется, когда узнает, что вам полегчало.

– Ле-о...

– Да, да, Лео. Позвонить ей, позвать ее?

– Да...

– Сейчас, сейчас!

Лицо пропало.

– Лео, – еще раз произнес старик. Получилось уже громче и отчетливее.

Память показала лицо – изящное женское лицо, с большими темными глазами, с белозубой улыбкой. Волосы, коротко подстриженные, обрамляли его, падая на лоб выющейся челкой.

Старик вспомнил – ему никогда не нравились короткие стрижки, но правнучка Лео занималась спортом, просто жить не могла без спорта, и клялась, что длинные волосы будут ей мешать. Он вспомнил еще, что Лео не любила свою работу, что спорт был единственной радостью. Причину нелюбви тоже вспомнил – отец девушки, муж его внучки Инессы, хотел приучить Лео к своему бизнесу, потому что с сыном не повезло – добрые люди снабжали его наркотиками, врачи уже ничего поделать не могли, оставалось ждать естественного конца. Был еще один сын, младше Лео, тот учился в техническом институте и собирался стать авиаконструктором; когда ему предложили заняться семейным бизнесом, он пообещал уехать в Австралию или в Аргентину навсегда и больше в родительский дом не возвращаться. Оставалась Лео...

Вспомнилось ощущение – ему было очень жаль девушку, вынужденную заведовать операционным залом банка и поддерживать склочный коллектив в рабочем состоянии. А ведь она

мечтала о своем бизнесе – связанном с техникой, с дорогими байками, с экипировкой высочайшего класса.

Этой девушке он был многим обязан.

Началось с того, что, когда во внучкином семействе случился грандиозный разлад (измена мужа, проблемы со старшим сыном, финансовая ловушка, которая казалась тогда чуть ли не смертельной), Лео, четырнадцатилетняя, взбунтовалась и ушла жить к прадеду. Тогда прадеду было всего восемьдесят шесть, он жил один, практически сам вел хозяйство, только трижды в неделю приходила женщина, чтобы сделать уборку и заполнить холодильник домашней едой.

Правнучка поселилась в бильярдной и прожила там шесть лет. Потом оказалось, что прадед нуждается в особом уходе – постыдных подробностей этого ухода старик не желал вспоминать. Внучка с мужем и дочка с мужем решили отдать его в пансионат «Светлая осень». Он не хотел выезжать из дома, в котором прошла вся жизнь, его уговаривали, почти уговорили, но однажды ночью Лео, вернувшись с вечеринки, заглянула к нему – и увидела, что он плачет. Да, он стал на старости лет слезлив, он сам понимал, что это дело обычное, но девушка испугалась – она привыкла видеть старика бодрым, занятым научными изысканиями и перепиской, иногда – сердитым, чаще всего – веселым. Правнучка снова взбунтовалась и сказала, что ни в какую «Светлую осень» старика не отдаст, будет с ним до конца, и его денег хватит на двух хороших сиделок. Это была чистая правда – старик умел зарабатывать и обеспечил себе хороший доход, он купил дом и большой земельный участок на окраине очень недорого, но теперь вокруг дома вырос район богатых особняков, землю удалось очень выгодно продать. Старик оплатил правнучке учебу и приобрел все, что требовалось для спорта. Она увлекалась мотоциклами, плаваньем, айкидо – с его точки зрения, все это имело практический смысл. Еще она летом любила покататься верхом, хотя свою лошадь заводить не стала. Так они прожили еще четыре года.

При этом Лео работала в банке, потому что не желала подводить семью, но прадед знал – она охотно бы заложила под этот банк заряд тротила. Родной отец платил ей столько, сколько платил бы любому другому человеку на этой должности. Но родной отец знал, что прадед заботится о правнучке, так что скромный оклад не имеет для нее большого значения.

Более того – прадед предложил девушке взять его фамилию, и родной отец не возражал.

Старик наловчился работать полулежа, Лео заказала для него особые столики, которые устанавливали на постели, привезла великолепный принтер, очень внимательно следила за сиделками – одну даже выгнала за мелкое воровство. Словом, у них сложился хороший и честный союз. Но оба строго соблюдали границы – Лео не совала нос в изыскания прадеда, прадед не задал ни одного вопроса о ее личной жизни.

– Лео... – позвал старик.

Он понимал, что смерть дала всего лишь отсрочку, и нужно многое успеть.

Он смог нажать кнопку вызова сиделки и потребовал усадить себя в постели; ну, не совсем усадить, подместить под спину и голову побольше подушек, чтобы не лежать пластом. Затем определился со временем. Был вечер пятницы – значит, правнучка уже где-то развлекалась. Сиделка, вызвав Лео, занялась стариком, выполнила все гигиенические процедуры, сделала два укола, он почувствовал себя бодрее.

Завывание крутого байка, несущегося к дому, очень его обрадовало.

Вошла Лео – в самом дорогом байкерском костюме, какой только существовал в природе, подарок прадеда к именинам. На ходу она снимала шлем.

– Наконец-то! – воскликнула девушка. – Фрау Элга, вы можете быть пока свободны.

Сиделка поклонилась ей и вышла.

– Садись, ангелочек, – сказал старик. – Времени у меня мало, а рассказать я должен много.

– Ты еще поскрипишь, – возразила Лео. – Не торопись в рай.

– Ангелочек, я знаю. Так было и с моим отцом, и с дедом. Все прожили довольно долго, все перед смертью вдруг ощущали прилив сил. Наверно, это закон природы. Я сейчас могу говорить, что будет завтра – не знаю. Поэтому – слушай. Ты знаешь, что я изучал историю ордена тамплиеров.

– Да, конечно.

– На самом деле мне требовались лишь несколько тамплиеров, живших в четырнадцатом веке. Я гонялся за ними по всем этим книгам и по всему Интернету.

Книги горничная убрала в застекленный шкаф, и Лео видела лишь корешки.

– Меня интересовали те, кто мог приехать в Икскюльский замок...

– Какой?

– Есть в Лифляндии городок Икскюль. Он вырос вокруг замка, но от замка уже ничего не осталось. Икс... Именно «икс», неизвестная величина. Дай воды, Лео. Я немного отдохну и все расскажу. Это очень важно.

– Хорошо.

Лео сходила за водой, вернулась и выпила старику примерно полстакана.

– Как бы я хотел, чтобы это было полстакана хорошего коньяка, – пошутил старик. – Так вот, ангелочек...

Менее всего девушка, затянута в черную кожу, была похожа на ангела. Но он так называл правнучку в любых обстоятельствах – и когда она выкрасила половину головы в лиловый цвет, а вторую в синий, и когда остриглась наголо, и когда назло родителям сделала на лбу зверскую татуировку; правда, у нее хватило ума на временную татуировку, но все равно – вампирская рожа держалась чуть ли не полгода. Была ночь, когда Лео примчалась к прадеду в отчаянии – она не могла решиться на близость с человеком, который совершенно не годился в мужья, но очень ей нравился.

– Ты свободна, ангелочек, запомни – ты свободна, – сказал ей тогда старик. – В любых обстоятельствах ты прежде всего свободна. Все остальное – побрякушки.

После чего он имел шумное объяснение с дочерью и внучкой. Сперва кричали они, потом рявкнул он, а когда по его вызову явился заспанный нотариус, женщины совсем притихли. Но это их не спасло – старик обещал переписать завещание, и он это сделал немедленно. Он тоже всегда был свободен – в том числе и от страха обидеть вопящих немолодых теток.

Лео внимательно смотрела на прадеда.

Она знала, что от старика можно ожидать любых сюрпризов.

– Так вот, ангелочек... Икскюльский замок – очень занятное место. Помнишь, я тебе рассказывал, как мы в тридцать девятом году уезжали из Риги? Помнишь, рассказывал про епископа Альберта, который якобы в тысяча двести первом году основал Ригу? На самом деле только в этом году Рига впервые упоминалась в документах – тогда Альберт начал строить первый Рижский замок. А Икскюль – старше нее. На пятнадцать лет по меньшей мере. Когда начался крестовый поход на северо-восток, немецкие корабли вошли в устье Двины, поднялись вверх, и монах Мейнхард договорился с тамошними ливами, что поставит на берегу церковь и замок. И он там стал первым епископом. Вторым был Бертольд, а третьим только – Альберт, но ему там не понравилось. В самом деле, для порта этот Икскюль не годился, большие морские суда не добрались бы до него через пороги и перекаты, и ливы тоже не дураки – кто же откажется обчистить купеческое судно, севшее на мель? Потом, полвека спустя, Икскюльский замок отдали в аренду рыцарю Иоганну Бердевису. Род Бердевисов владел замком шесть поколений, при них-то и появился Арно де Бетанкур. Все это ты найдешь в моих файлах, папка так и называется – «Икскюль».

– А зачем мне это? Я же не интересуюсь древней историей, – прямо заявила Лео.

– У тебя, ангелочек, в душе редкое сочетание добродетелей. Ты любишь приключения и любишь деньги. Я так тебя и воспитывал, чтобы ты любила приключения и деньги.

– Да, ты учил: без денег не бывает свободы, – согласилась правнучка. – Ну так чего ты от меня добиваешься?

– Умница, ангелочек. Ты не хочешь, чтобы я тратил на глупости свои последние минутки. Потерпи немного. Ты знаешь, кто такие тамплиеры?

– Это даже я знаю.

Старик улыбнулся:

– Богатейший рыцарский орден, ангелочек, богатейший! Король Филипп Красивый чуть от зависти не помер! Деньги у них росли, как грибы после дождя. Филипп и папа римский обвинили их в богохульстве и почитании демона Бафомета, чтобы прикарманить золото и серебро тамплиеров. Многих арестовали тринадцатого октября тысяча триста седьмого года, но многим удалось скрыться. И они вывезли из Парижа каменную плиту с резьбой. Может быть, таких плит было несколько. Ее доставили в порт, погрузили на судно, а дальше? Нужно было спасать остатки ордена, нужно было все начинать сначала. Они выбрали для этого Ливонию. Видишь ли, у тамплиеров были давние связи с ливонским орденом меченосцев, устав меченосцев скопирован с устава тамплиеров... молчу, молчу!.. Хранителем главного сокровища на кораблях тамплиеров был назначен рыцарь Арно де Бетанкур. Корабли пришли к берегам Эстляндии. Часть сокровищ укрыли в замке Феллин, но тамплиеры отлично знали правила «не клади все яйца в одну корзину».

– Так ты все эти годы искал сокровища тамплиеров? – догадалась Лео.

Она без особого уважения относилась к тем, кто гоняется за древними кладами. И ей было в диковинку слышать, что благоразумный, хотя и чудаковатый прадед, попался на старости лет в ловушку кладоискательства.

– Одно! Одно сокровище, ангелочек! Так вот, у беглых тамплиеров оказалось достаточно денег, чтобы помочь Ливонскому ордену построить замок Мариенбург. Арно де Бетанкур стал его главным комтуром, но он уже не был Бетанкуром – он стал Арнольдом фон Фитингофом. Потом бароны фон Фитингоф решили считать его своим предком. Хотя эта фамилия и до приезда Арно де Бетанкура была в тех краях отлично известна, хотя тамплиер не мог иметь законных сыновей, ну да ладно. Незаконный-то сын, я полагаю, был, но Арно де Бетанкур отдал его на воспитание кому-то, кто наградил мальчика своей фамилией. Думаю, за хорошее вознаграждение.

Лео улыбнулась.

– В Ливонии стали строить замки, и деньги тамплиеров не иссякали, – продолжал прадед. – А каменную плиту с резьбой укрыли в Икскюльском замке. Ее тайну передавали от рыцаря к рыцарю, но мир менялся, рыцарские ордена стали не нужны. Видимо, в каком-то смутном году тайну было некому передать, и она пропала. А плита осталась лежать в подземельях Икскюльского замка. Но мой дед, изучая историю ордена тамплиеров, откопал довольно странные рукописи, где поминалась Икскюльская плита. Он начал ее искать и познакомился с бароном фон Апфельдорном, тоже большим любителем тамплиерских секретов. Сдается мне, что этот барон как раз числил в предках того мальчика... У деда были деньги – ты же знаешь, умение добывать деньги у нашего рода в крови. А барон жил в тех краях. И даже, чтобы изучать развалины Икскюльского замка, приобрел усадьбу неподалеку. Они объединились – один давал деньги, другой организовал раскопки. И они нашли плиту. Более того, они сумели разгадать ее тайну. Но не всю! У них в руках была половина тайны, ангелочек! Они ставили опыты с плитой, пробовали и так и сяк, что-то получалось, но получалось случайно и необъяснимо. Я читал дневники деда – там все очень подробно описано. Мой отец тоже увлекся этими опытами, он тоже вел дневники. Все это – в нижнем ящике шкафа. Половину я успел оцифровать, ты найдешь сканы в папке «Плита».

– А барон фон Апфельдорн?

– У того своих детей не было, он взял на воспитание племянника, сына двоюродной, что ли, сестры. Мальчик этот, Эрнест, оказался толковый. Дед познакомился с ним и решил о нем позаботиться. Когда барон фон Апфельдорн умер, Эрнест стал главным помощником деда. А потом настал тысяча девятьсот пятый год, бунты, стрельба, крестьяне жгли баронские усадьбы. Дед, мой отец и Эрнест отправились в Икскуль, пытались спасти и вывезти плиту, ничего не получилось, они чудом остались живы. Дед в том же году умер. А отец потом нашел-таки плиту – она попала в запасники рижского исторического музея, хранилась в подземельях Петровской церкви. Во время войны она и оттуда пропала – ведь старый город пострадал и от бомбежек, и от пожаров. Но нашей семьи в Риге уже не было – мы в тридцать девятом году переехали в Данциг... ты ведь слыхала про эту принудительную репатриацию?..

– Слыхала.

– Там умер отец, а матушка – она всегда была очень осторожной, ее интуиция спасла всю семью! – перевезла нас в Швецию, из Швеции мы смогли уехать в Англию. В Англии жилось плохо, но все же лучше, чем в Германии и в Польше, поверь мне! Потом, в пятьдесят третьем, мы вернулись в Германию. Матушка стала искать рижских подруг, писала письма. В шестьдесят пятом появилась возможность съездить в Ригу. Мы поехали втроем – матушка, я и Дора.

Лео поняла – речь о прабабке.

– И мы нашли плиту, но как?! Тогда рижские архитекторы придумали чудной способ сохранить каменные надгробия и барельефы. Они просто вмуровывали их в стены, где было пустое место. Вообрази – старинный резной портал, а вместо двери – голая стена. Вот так и Икскульскую плиту использовали. Мы ее увидели во время экскурсии... Дизайн, будь он не ладен! Мы тогда ничего не могли предпринять, но стали искать способ выкупить плиту. Потом матушка умерла, у нас с Дорой родился Вернер-Отто, потом Леонида-Мишель... Когда наконец я отыскал нужных людей, плита пропала!

– Дети Эрнеста фон Апфельдорна? – предположила Лео.

– Я кучу денег потратил на поиски его родни. Да, внучатный племянник барона вмешался уже потом. Сдается, есть и кто-то третий, кому Икскульская плита необходима. Может быть, он тоже открыл вторую половину тайны – как я... Я даже догадываюсь, кто это может быть. Надо проверить, надо пойти по следу. Лео, ангелочек, найди в папке «Мистерии» файлы «Дневник-один» и «Дневник-два». Я там шаг за шагом описывал, как анализировал дневники деда и отца. Там – тайна, которая может принести миллиарды. Ее знали тамплиеры, теперь узнаешь ты... Но я не успел завершить исследование, чертова латынь совсем меня доконала. Лео, плита в России, в городе под названием Протасов. Ее приобрел владелец банка «Трансинвест». Поезжай туда, забери у него Икскульскую плиту... это будет твое приданое...

– Ты и так дал мне отличное приданое.

– Не перебивай! Я, кажется, догадался, как действует плита. Ты веди расследование сама. И когда ты придешь к результату – вскрыешь файл «Идея». Я не хочу, чтобы мои гипотезы висели над тобой и мешали тебе думать самостоятельно. Запомни – файл «Идея». Поезжай! Плита – наша собственность, сохранилась расписка барона фон Апфельдорна, она хранится в банке, в сейфе, но это не банк твоего бестолкового папаши. Все инструкции – в файле «Лео»... А я прошу – когда у тебя будут дети, дай им наши родовые имена «Вернер» и «Леонида». Это мое завещание. Все остается тебе! Там немало. Недвижимость, ценные бумаги... И пусть твой сын женится на русской девушке. У нас почти все мужчины женились на русских – дед на княжне Леониде Маецкой, моя матушка в девичестве – Леонида Шереметева, тетка твоя любимая – из Давыдовых... так получилось, ее семья успела убежать от большевиков... что еще... Поезжай, Лео! О родителях не беспокойся – все равно этот дурацкий банк обречен. Сделаешь все, как положено, – назначишь им месячное содержание. Не годовое – месячное. Твоему папаше опасно давать в руки большие деньги. У тебя все получится... русский язык

ты знаешь, тетка научила... ты же у нее месяцами жила... Но вот мой совет – перед тем как ехать в этот Протасов, поживи месяц где-нибудь по соседству, ходи на рынок, разговаривай с людьми по-русски. Чтобы не вышло так, что при тебе сказали важное слово, а ты не поняла.

– Хорошо.

Лео понимала – старик торопится все рассказать. И не стала обременять его фальшивым оптимизмом. Ее «хорошо» означало – она в точности выполнит все его указания.

– Ну вот, рассказал... скопируй файлы сейчас же... Да! Банковские карты! Я их спрятаю, посмотри в коробке со старым железом... Пин-коды, пароли, все, что нужно, – в файле «Лео»... скопируй все, все! И переформатируй диск!

– Все будет сделано.

– Сейчас же, при мне, ангелочек. Отформатированный диск вытащишь и потом уничтожишь. Говорят, есть способы что-то из него извлечь... Флешкарты тоже в коробке с железом. А потом садись на байк и уезжай. Вернешься к похоронам.

– Вбил ты себе в голову эти похороны!

– Я знаю. Мне пора. Надеюсь, ты не будешь плакать. Ну, за работу. Живо!

Компьютер прадеда, моноблок последней модели, стоял на столе.

Лео пододвинула стул и молча взялась за дело. Прадед смотрел на ее стриженный затылок и едва заметно улыбался. Он спас правнучку из операционного зала банка, который ей осточертел. Он дал правнучке возможность весело провести год, а то и два. Это было даже больше, чем деньги. За деньги она, когда постареет, будет покупать себе круизы на роскошных лайнерах, чтобы сидеть на палубе, завернувшись в плед, и созерцать воду. Или даже путешествовать на собственном лайнере, если гипотеза насчет Иксюльской плиты окажется верной. Да, сидеть на палубе, заказывать изысканный обед и с тоской вспоминать любимый байк и хотдоги на автозаправочных станциях...

– Все, – сказала Лео, повернувшись к прадеду. – Карты я взяла.

– Теперь форматируй жесткий диск. Ну, живо, живо...

– Может, что-то еще нужно сохранить?

– Нет, – подумав, ответил прадед. – И беги, пока не налетели стервятники. Через час ты должна быть в дороге. Такова моя последняя воля. О том, что на службу больше не выйдешь, скажешь отцу по телефону. На похороны, впрочем, можешь не приходить. Не хочу, чтобы старые дуры тебя обслюнявили. Ну, лети, ангелочек.

Лео подошла к постели, опустилась на колени и прижалась щекой к прадедовой руке.

– Не вздумай целоваться. Прибереги поцелуи для классного парня с бритой башкой!

Она невольно засмеялась и встала.

– Я люблю тебя, старый черт, – сказала она. – Теперь я знаю, как себя вести, когда придет время.

– Точно. Лети, лети! Ну?! И скажи этой дуре фрау Элге – пусть бежит сюда немедленно. Я, кажется, навалил полный памперс! В последний раз, ангелочек! Ты подумай – у меня больше не будет ни одного памперса! Ну?! Иди!

Лео расхохоталась и стала медленно отступать, пятясь, к двери. Она не сводила глаз с прадеда. Оказавшись в коридоре, она еще смотрела издали на постель, потом захлопнула дверь.

– Фрау Элга, идите к нему! – крикнула она и побежала прочь – на крыльцо и, перескочив две ступени, во двор, где стоял байк.

Во дворе она первым делом отключила смартфон.

Минут сорок ее носило по проселочным дорогам, где человек, не знающий местности, мог бы на такой скорости кувырнуться вместе с байком в канаву. Но ангел-хранитель ее уберег. Потом она взяла курс на Лемдорф, где жил приятель Фред, тоже отчаянный байкер. У Фреда была комната в родительском доме, а над комнатой чердак, где собиралась молодежь. Лео залезла туда и устроилась у окошка с планшетом. Она хотела изучить прадедово наслед-

ство – но голова как-то плохо работала. Не то чтобы так уж было жалко прадеда – она понимала, что старик прожил удивительно долгую жизнь, которой пора бы и кончиться, и уходил без мук, просто угасал. Но она осталась в мире одна, без настоящей защиты. Родители умели только требовать, дед с бабушкой умели только жаловаться. Прадед всегда был на ее стороне...

Она вызвала на экран карту и нашла город Протасов. Она содрогнулась при мысли, что нужно будет срочно делать российскую визу. Срочно – потому что возвращаться в отцовский банк и отцовский дом она не собиралась. Вдруг память подсунула прозвище...

– Кречет!.. – произнесла она. Смысл слова был ей неизвестен, но звучание нравилось.

Просто счастье, что память сохранила прозвище парня, с которым она два года назад познакомилась на байкерском пивном фестивале. Их было то ли трое, то ли четверо – байкеров из Протасова, прорвавшихся на фест, и Лео говорила с ними по-русски, потому что немецкого протасовцы не знали вовсе.

– Кречет, Кречет... – бормотала Лео, копаясь в своем архиве. Кто-то же должен знать, как связаться с этим Кречетом.

Прадед научил ее быть честной с самой собой. Она честно сказала себе: плакать не может и не будет, потому что когда на небесах раздавали запасы слез, ее порция досталась троюродной сестрице. Так что единственный способ оплакать прадеда – это в точности исполнить все, о чем он просил.

– Фред, Фред! – крикнула она. – Помнишь тот фест, когда тебе на голову надели старый скворечник?! Там был один парень, кажется, из Кракова! У тебя есть его контакты?

Краковский парень подался с кем-то из протасовцев, потом они даже подружились.

Фред забрался на чердак и полез целоваться. Она его оттолкнула. Он не обиделся, и они вместе понеслись по социальным сетям в поисках польских байкеров, которые могли знать Кречета.

Но в какую-то минуту Лео перестала видеть экран планшета. Она вспомнила прадеда.

Прадед смотрел ей в глаза и улыбался.

Глава третья

Анюта шла по улице, толкая перед собой коляску, и в голове была одна мысль: домой, домой, пока ноги не подкосились.

После визита в «Инари» у нее кружилась голова. И Феденька, словно нарочно, начал кряхтеть, пищать и требовать внимания.

Салон ей совершенно не понравился. Крестная была неправа – нужно все же искать работу при детском садике. Мыть полы и ночные горшки – невелика наука. Тем более что за полтора года бухгалтерские премудрости из головы исчезли напрочь. Их и тогда, в пору последних экзаменов, было не очень много.

Дома Анюта передела и покорила Феденьку, пустила его ползать по ковру и включила телевизор. Шел какой-то сериал, начала она не видела, и потому за развитием действия следить не могла, но на экране ходили и говорили хорошо одетые люди, и это Анюту вполне устраивало.

Она очень хотела быть красивой женщиной. Такой, чтобы на улицах пытались познакомиться не жирные дядьки и не пьяноватые болваны, а серьезные люди. Чтобы прийти вечером в кафе – и за столик подсел богатый, щедрый и приятный мужчина. Чтобы этот мужчина внимательно слушал Анюту, говорящую о понятных ей вещах – детском садике, квартплате, подругах и их мужьях. Чтобы он красиво ухаживал – дарил цветы и золотые безделушки.

В мечтах о таком мужчине (постельные дела в этих мечтах отсутствовали) Анюта пребывала до вечера. Телевизор звучал, руки сами занимались хозяйством, закидывали белье в стиральную машину, мыли посуду, а голова обреталась в обществе мужчины.

В десять вечера позвонил дядя Боря Успенский.

– Анечка, ну так как же? – спросил он. – Мы договорились?

– О чем?

– О работе. Ты можешь выйти прямо с завтрашнего дня?

– Нет. Мне некуда девать ребенка, – прямо ответила Анюта.

– Давай так: ты пока будешь работать неполный день. Начнем с двух часов. А у нас напротив салона, в сквере, всегда сидят бабушки. Я двух знаю, они к нам в салон заходят. Так можно договориться, чтобы они посидели с мальчиком.

– А что я буду делать?

– Работа найдется, – не сразу ответил дядя Боря. – У нас книга учета посетителей... Нужно сделать из нее картотеку! Картотеку, понимаешь? Забить всю информацию в компьютер!

Анюту учили работать на компьютере, она осваивала в техникуме бухгалтерские программы. Наука давалась с трудом, но ей казалось, будто в голове застряли знания, и она согласилась.

Первый ее двухчасовой рабочий день довел Бориса Семеновича и Дмитрия до истерики.

Они посмотрели, как она внесла информацию в карточки, и еле пришли в себя после десятиминутного непрерывного хохота.

У Анюты и вообще с грамотностью было плохо, а тут еще прибавился выверт, которому несколько лет назад обучили подружки, отправлявшие ей СМС-ки с дешевых мобильных и требовавшие ответов. Они писали латиницей и вместо «Ч» набирали четверку, вместо «Ш» – шестерку. Анюта, не долго думая, именно так заполнила графы карточек.

– Да ладно тебе, Митенька... – еле выговорил Борис Семенович. – Сам знаешь, эти карточки я придумал в последнюю минуту. Ох, это что еще?..

Имя «Валентина» Анюта написала через два «И».

– Могучий интеллект, – сказал, уgomонившись, референт. – Но, Борис Семенович, главное – ее не спугнуть. Она, как многие дуручки, очень подозрительна.

– Не спугнем. Я ей буду за час работы платить по двести рублей. Она очень скоро успокоится и начнет думать, как бы заработать побольше. Я эту породу знаю. Даже если я ей буду платить по пятьсот рублей в час – все равно она будет думать, что я жмотюсь. Соизмерить свой труд с вознаграждением она не в состоянии.

– Но почему ей, почему не мне?..

Успенский понял этот вопль души сразу. Почему не референту, у которого, по его мнению, на лбу написано: не дурак, любознателен, хитер, азартен, – досталась способность определять нужные для дела монеты? Почему – девчонке, которая, может, даже не всю таблицу умножения помнит, а управляться с калькулятором умела, но разучилась?

В ответ Борис Семенович воздел руки к потолку. Он цену своему референту знал...

Митенька имел обманчивую внешность. Глядя на себя в зеркало во время бритья, он видел острое, выразительное, волевое лицо, с темными глазами, с мужественным носом, и ему казалось, будто душа соответствует лицу. На самом деле референт проявлял свой героизм в мелочах и при условии полнейшей безнаказанности. Да, Митенька был трусоват. За ним числился один неблагоприятный поступок, когда он проявил смелость, но потому лишь, что за спиной стоял и руководил интригой Успенский.

– Бог с ней, – сказал Борис Семенович. – Это, может, и к лучшему, что она такая дуручка. Умная бы стала докапываться, чем мы тут занимаемся, а этой дам четыреста рублей – и она будет уверена, что все в порядке. Митенька, свяжись с «Часовым», нам бы очень не помешал охранник. Сегодня какой-то сумасшедший ломился в салон, перепугал девочек.

Девочек было три, младшей – сорок восемь лет. Они как стали работать гадалками четверть века назад, так другого ремесла и не нажили, но в «Инари» они хоть трудились официально, получали белую зарплату и могли рассчитывать на пенсию.

– Хорошо, Борис Семенович. Сегодня будем пробовать?

– Н-ну... Давай рискнем с двуххевриком. Я только схожу в свой вертеп разврата.

Дядя Боря имел в виду «Трансинвест».

«Инари» и банк обитали в одном здании, из «штаб-квартиры» дяди Бори можно было попасть на служебную лестницу банка. Успенский ушел, а Митенька спустился в подвал и стал готовить Иксюльскую плиту к ритуалу, смысл которого все еще оставался туманным. Некоторые монеты иногда производили на свет потомство – две монетки того же номинала, но абсолютно новые. Почему, каким образом – понять было совершенно невозможно.

С одной стороны, и возникновение двух монет ниоткуда – уже чудо. С другой – вряд ли плиту изготовили только для того, чтобы она раз в месяц приносила такой урожай.

Суэта вокруг плиты началась, когда родной дядя Митеньки откуда-то ее с немалым трудом привез и спрятал в сарае. При этом были потрачены деньги, которые считались общими, семейными. Отец Митеньки, человек очень практический, разозлился, назвал возню с «каменной душой» глупостью, и напрасно родственник тыкал его носом в бумаги, исписанные готическими буквами. Чернила выцвели, слова были впопыхах написаны с сокращениями, а звание к памяти предков, баронов фон Апфельдорн, ничего не дало – потомки непоправимо обрусели. Дмитриев дядя нарисовал генеалогическое древо, из которого вытекало: прямых наследников барон не оставил, но передал все, что мог, сыну двоюродной сестры – Эрнесту Каминскому. От этого Эрнеста и происходил Митенька; но, поскольку внуков тот не оставил, лишь внучек, Митенька носил совершенно не баронскую фамилию – Потапенко.

Так бы и остались бароновы писания вместе с мешочком старых монет содержимым старого фанерного чемодана, так бы вместе с чемоданом и попали на свалку, но Митенькин дядя вздумал устроить из расшифровки и из плясок вокруг плиты маленький бизнес. Он стал искать спонсоров – тогда еще водились богатые люди, способные пожертвовать пару миллионов на поиски снежного человека или инопланетного корабля, ошибочно принятого за Тунгусский метеорит. Так он познакомился с Успенским. А Борис Семенович был из тех людей, кого

можно в цирке показывать: он запах денег за три версты сквозь десять бетонных стенок чуял. Причем проявилось в нем это давно, еще в пионерском детстве. Он тогда, обратив внимание, что половина класса забывает дома ручки, карандаши, точилки и прочую мелкую дребедень, завел подпольную торговлю: скажем, ручку, что стоила в магазине тридцать копеек, продавал за сорок. Однажды это обнаружилось, учителя страшно ругались, называли спекулянтom, но родители, наоборот, посмеялись и одобрили. Поскольку мать, работая в магазине, занималась примерно тем же, пионер Боря решил брать пример с нее, а не с фантастических юных ленинцев, о которых толковали учителя. И потом он уже в паре с матерью занимался тайной торговлей джинсами, как фирменными, так и самодуем. Но при этом время от времени он пускался в обычные для парня авантюры – мог уйти с компанией водных туристов на Берладку, чтобы неделю сплавляться, петь дурацкие песни и пить хорошее нефильтованное пиво.

Его капитал начался с гадальных салонов. Потом начались игры с недвижимостью. Наконец настала пора ценных бумаг. И вот – банк.

Банкир решил раскручивать это дело не с заполошным дядюшкой, а с племянником, который сумел ему понравиться умеренным интеллектуальным развитием и исполнительностью. Тогда уже было принято решение строить новое здание «Трансинвеста», и плиту упрятали в подвал, а Митеньку Успенский взял в референты и стал ему платить небольшую зарплату.

Референт сделал все возможное, чтобы задвинуть родного дядю за шкаф, тем более что в этом ему помогла вся родня. Он с азартом пустился в загадочные магические эксперименты. Когда им удалось получить две первые пятирублевки, на радостях они прокутили кучу денег. Но треклятая плита жила по каким-то особенным законам – иногда молчала по два месяца, а потом три сеанса подряд преподносила скромные подарки. Вычислить алгоритм ее сюрпризов не удавалось, хотя и астрологию пустили в ход, и даже музыку (Митенька где-то вычитал, что коровы, которых заставляют слушать Моцарта, повышают удой). Наконец до экспериментаторов дошло, что плите не каждая монета годится, но принцип отбора пока был непонятен. А вскоре Софья Андреевна прислала к ним Анюту.

Из трех монет, которые она, введя себя в транс, выбрала в общей куче, попробовали петровский пятак. И приложили к нему такой же, только другого года.

Естественно, ни Успенский, ни Митенька латыни не знали, и тексты, которые приходилось произносить, казались им сущей абракадаброй. Но они выучили непонятные слова и произносили целые фразы автоматически, при этом мысли порой улетали в непостижимые области. Успенский вспомнил вдруг покойную Люсю, с которой было что-то вроде романа. Люся, как и дочка Анюта, была маленькой блондинкой, но с очень красивыми ногами, у Анюты Борис Семенович таких не обнаружил. Вот как раз ножки и выскочили из дебрей памяти, – беленькие, с красными ноготками. Референт же попытался вспомнить, когда он в последний раз навещал подружку Машу, всегда звонившую в случае мужниной трехдневной командировки. Так получилось, что по меньшей мере три недели назад, а это был явный беспорядок.

Голубая искра, явившаяся во мраке, была маленькой и очень шустрой, но растаяла через несколько секунд, не успев набедокурить. Пятаки успешно размножились.

Для чистоты эксперимента Митенька повез два пятака, старый и новенький, к знакомому коллекционеру, и тот, исследовав их под микроскопом, не нашел ничего подозрительного, более того – обменял на редкую монету, пятьдесят центов, выпущенные Ватиканом в две тысячи четвертом году. Хотя Ватикан и не входил в Евросоюз, но свои евро чеканил, и они пользовались спросом у коллекционеров. Такую денежку стоило бы растиражировать при помощи Иксюльской плиты.

Теперь нужно было приручить дурочку, пропускать через ее руки все серебряные и золотые монеты, какие только удастся раздобыть, и ухитриться, чтобы она ни о чем не догадалась.

Потому что у такой вот Анюты что-то выпытать – плевое дело. А в том, что к плите могут проявить интерес заграничные гости, Успенский и Митенька не сомневались.

Они знали, что у барона фон Апфельдорна был партнер, вкладывавший деньги в поиски и откапывание плиты. Две революции и две войны разлучили баронову родню с родней партнера, но кто поручится, что эти люди вдруг не возникнут и не начнут действовать? Именно теперь, когда появилась Аня?

По части нюха Успенский был велик и могуч. Тут референт ему полностью доверял. Но одной особенности начальника он все же не знал. Вальяжный, внушающий доверие и говорящий уверенным голосом Борис Семенович на старости лет стал пуглив. Но случая узнать это пока не выпадало.

В «Трансинвесте», как во всяком банке, была охрана, предоставленная «Часовым», – дежурил человек на входе, другой в комнатухе с экранами, смены были по восемь часов, итого – пять человек, потому что ночью на входе сидеть незачем. В «Инари» были установлены камеры. Информация со всех камер стекалась и к специалистам «Часового», и к админу по информационной безопасности – Севе. Вроде бы и банк, и салон охранялись достойно, однако приказы не обсуждают, их выполняют.

Митенька понимал, что охранник нужен не только для того, чтобы выставлять из салона безумцев. Приготовив плиту к очередному сеансу, он позвонил в охранную фирму «Часовой». Там у него были два приятеля, толковые ребята, специалисты по охранной сигнализации. Они обещали организовать охрану и дня через два прислать пару бойцов для знакомства.

Потом пришел Борис Семенович.

– Ну что? – спросил он, уверенный в ответе.

– Кречет обещал хороших охранников подогнать. У них есть бойцы – не мальчики, с опытом, с понятием, кулаками махать будут, только если мирно разрулить совсем уж невозможно.

– Вот не понимаю я Кречета. Тратит время и деньги на дурацкие игрушки...

Митенька тоже не понимал, как можно всерьез увлекаться гонками на байках. Он был азартен – это так, но его азарт был узкозачоченным, практическим, с особым ощущением границ разумного, и рисковать жизнью ради двух лишних километров скорости референт бы не стал. Выход азарту он давал в компьютерных игрушках.

– Митенька...

– Что, Борис Семенович?

– Докопайся – может, у нашей дурочки есть какой-то дурачок. Все узнай, понял?

– Понял.

– В кафешку ее своди, мелкому купи каких-нибудь чебурашек. Ну, не мне тебя учить.

И – на природу ее, на травку!

– Попробую. Ну что, приступим?

Они спустились в подвал, зажгли свечи, проделали ритуал с двухевриками, разложили по всем местам плиты двенадцать монет, получили две новенькие, всего две.

– Мы что-то делаем не так, – сказал дядя Боря. – Треклятые тамплиеры не стали бы полагаться на предмет, который приносит в день две монеты, у них было налажено промышленное производство.

– Но монета, которую выбрала Анечка, размножилась. Что-то в ней такое есть, Борис Семенович.

– Вот что. Забирай всю эту кучу мелочи и отдай Анечке. Может, она что-то поймет. Не спрашивай, я не знаю, что она должна понять! Отдай – и все!

– Хорошо.

В ритуале были использованы простые монеты в два евро – одиннадцать штук, Анятина – одна штука, меченная царапкой, появились две новые, итого – четырнадцать. Все это богатство, дающее в сумме двадцать восемь евро, Митенька сгреб в карман.

Как их подsunуть Анюте – он пока понятия не имел. Во-первых, дурочка откровенно от него шарахалась, а во-вторых, что-то с ней во время первого соприкосновения с Икскюльской плитой случилось неприятное – она молчала о подробностях, но явно испугалась.

Для начала он как бы случайно встретил Анюту, идущую в «Инари», и прошел с ней три квартала, пытаясь беседовать хоть о чем-нибудь.

Анюте этот человек не нравился. Он употреблял слова, которых она не понимала. Бросивший ее муж тоже часто говорил непонятно, но в мужа она с первой встречи вцепилась мертвой хваткой, не желала его отдавать и сперва делала вид, будто всякое его слово – на вес золота, потом устала. А в Митеньке она не видела мужчины, который мог бы пригодиться в хозяйстве. В референтах она не нуждалась.

Ей нужен был простой работяга, для которого она, с ее бухгалтерским дипломом, была бы звездой и светилом разума. Она это уже подозревала, она почти сформулировала свою ошибку. Но где взять мужчину, который смотрел бы на нее снизу вверх, она пока не знала. И вообще хотела, чтобы муж вернулся. Потому что ребенку нужен отец, ребенку нужен отец, ребенку нужен отец...

Это была одна из тех простых истин, которые Анюта усвоила раз и навсегда. Ее собственная мать в свое время развелась с мужем, а потом так и не нашла другого, и Анюта навеки запомнила бабкины крики: «Ребенку нужен отец!»

Митенька вместе с ней дошел до сквера, где уже ждала бабушка, готовая нянчить Феденьку, и тут его осенило.

Рядом с бабушкой сидела молодая мамочка, трясла коляску с дочкой, и стоило ей обменяться парой слов с Анютой, как дурочка просто преобразилась. Они чирикали и щебетали о таком, в чем референт ничего не смыслил, и Анюта в эти пять минут женской болтовни была счастлива – как бывает счастлив человек, нашедший замечательного собеседника по безмерно близкой ему теме.

Митенька был не дурак. Он понял свою с дядей Борей ошибку. Подсылать к Анюте следовало не мальчика, а девочку. И такая девочка у него имелась.

Двоюродная сестра Александра, которую с детства звали не Сашей, не Шурой, а Лесей, не так давно изумила родителей чуть ли не до инфаркта. Вполне естественно, что не каждый каприз девятнадцатилетней девчонки нужно исполнять, и когда по ее комнате разбросано десять пар штанов, одиннадцатую родители считают лишней, и попытка выпросить денег на крутой велосипед обречена на крах. Всякая мать прошла через полдюжины основательных скандалов с дочкой, которая хочет несбыточного. Многие матери до того доскандалились, что дочки убегали из дому и ночевали у родни или у подруг.

А вот Леся, исчезнув, появилась лишь четверо суток спустя и рассказала, что ночевала в заброшенном доме, обреченном на скорый снос. Никому на радостях не показалось странным, что девица сыта и вид имеет самый чистенький. Неделию спустя она опять убежала, хотя склока с матерью была умеренная. И опять вернулась, и опять убежала...

А потом в гости к Лесиным родителям пожаловала шестерка крутых парней с вопросом: – Ну так где же эта сволочь?

Выяснилось: Лесю в самый первый раз приютила супружеская чета пенсионеров, которых она разжалобила жуткой историей. И кто бы не купился?! Выгуливая поздно вечером собачку, пенсионеры набрали на девушку, которая пыталась устроиться на ночлег в развалинах киоска. Маленькая кругленькая Леся умела придавать себе несчастный, растерянный и незащищенный вид. Девушка призналась: больше не может жить дома, потому что пьяный отчим пытается ее изнасиловать. Пожив у добрых людей, она сказала, что очень жалеет мать, связавшуюся с негодяем, и попробует еще немного продержаться дома исключительно ради матери. Потом она опять прибежала к пенсионерам, и так жила на два дома, пока ночью не завалился к деду с бабкой родной внук – естественно, после ссоры с родителями. Он услышал горестный рас-

сказ и возмутился. Леся отказывалась сообщить свой адрес, но внук с приятелями ее как-то выследил.

Митенька тоже участвовал в этой мерзкой истории – его мать примчалась издалека успокаивать сестру, а он потом приехал за матерью и вынужден был провести целую ночь в обществе вопящих и рыдающих людей.

Как раз Лесю он и вспомнил, когда задумал подослать к Анюте девочку.

Двоюродная сестра была выдающейся врушкой, и поэтому родители просто боялись ее трудоустроить – как бы не пришлось краснеть перед знакомыми. Было два эксперимента – и с них хватило. Она сидела дома на голодном пайке: кормить – кормили, а новых тряпок не покупали и денег в руки не давали. Она бегала в гости к подружкам, но те были не дурочки – держали дистанцию. А парня у нее не было.

Митенька вызвонил Лесю и встретился с ней в недорогом кафе. Он объяснил кухне задачу: ври что хочешь, но познакомься и подружись с молодой мамашей, подружись настолько, чтобы изучить все ее связи. Это – первая задача, вторая – подсунуть Анюте двадцать восемь евро, как – все равно, важен результат.

Леся выторговала для начала пять тысяч рублей и получила несколько Анютиных портретов. Местом знакомства был назначен сквер напротив «Трансинвеста». После чего они договорились при случайной встрече возле «Инари» даже не здороваться. Три дня спустя Леся позвонила и доложила: деньги у Анюты.

– Как?! – спросил Митенька.

– Очень просто! Я пожаловалась, что в обменном пункте не принимают монеты, и она взяла у меня евро по выгодному курсу. Для себя выгодному! В этом она разбирается!

Митенька подумал: сравнивать цифры Анюта, может, и умеет, а что делать дальше с монетами – явно не задумывалась. Не исключено, что, наслушавшись от тружениц салона, как важно держать накопления в валюте, она просто положит монеты в старую сумку, а сумку закинет на антресоли.

Он доложил Успенскому, что задание выполнено, рассказал про Лесю и уставился на шефа с любопытством – вдруг тот объяснит, зачем отдал деньги Анюте?

– Сестренку приводи. Если она так замечательно врет – девочки ее натаскают по картежной части, пусть гадают, – сказал Успенский. – Но не сразу – пусть сперва вытянет из Анечки все, что может.

– Хорошо, Борис Семенович. Надо бы еще попробовать...

– Погоди. Она еще не всю картотеку клиентов в компьютер вбила. Скоро эта синекюра кончится. А денежки она каждый день получать привыкла. Пусть сама придет и попросит работу.

– Ясно!

– Хотел бы я знать, что ее так испугало тогда...

– Погружение?

– Подождем немного, проведем с ней еще экспериментик. И даже в третий раз попробуем. И тогда вызовешь Ромуальда...

Ромуальд был гипнотизером и с самого начала гадальной эпопеи Бориса Семеновича дважды в неделю вел прием в «Инари». Успенский не слишком вникал в гадальные дела, пока к нему не пришел с жалобой хозяин сети пирожковых «Ватрушка» Анисимов. Это был известный в городе человек, Борис Семенович его даже уважал – а приступы уважения случались с ним крайне редко. Тогда и выяснилось, что Ромуальд, введя матушку почтенного Анисимова в транс, попросту ее обворовал. Но обворовал красиво – внушил ей, что деньги потеряны в магазине. Успенский, в молодости увлекавшийся боксом и пробовавший себя в классической борьбе, за шиворот вынес Ромуальда на улицу и дал ему хорошего пинка. Потом он компенсировал Анисимову матушкину потерю и предупредил всех владельцев эзотерических заведе-

ний, чтобы не связывались с воругой. Но это было семь лет назад – вряд ли гипнотизер навеки запомнил обиду. Опять же – склероз, как всякий товар, покупается и продается, все дело в цене.

Анюта была очень довольна новой подругой: Леся, получив инструкции от двоюродного брата, хвалила Анюту за всякую мелочь и очень завидовала ее бухгалтерскому диплому. Они даже повадились ходить вместе в «Дворик» – кафе под открытым небом, вдруг ставшее популярным. Можно было брать с собой коляску, ставить ее между столиками и проводить час или даже полтора в поисках кавалеров. Анютина жизнь вдруг обрела смысл – было ради чего причесываться, краситься и наряжаться; в «Дворике» она себя чувствовала королевой, особенно когда подсаживался интересный мужчина и принимался осторожно выяснять, какие у девушек планы на остаток вечера.

– Никого у нее нет, – доложила Леся кузену. – И таких подруг, которые неразлейвода, тоже нет. Они замуж повыходили и со своими мужиками хорошо живут, она им этого простить не может!

– Как ты догадалась?

– Она о них гадости говорит. Что им только секс нужен. Вот дурочка!

Если бы не знать Лесю так, как знал ее Митенька, можно было бы по этому высокомерному ответу решить, что девица все радости жизни познала.

– Значит, никому не может рассказать, чем занимается в «Инари»? – уточнил Митенька. – Точно – никому?

– Она дружила с Тайкой, а Тайка – сестра ее мужа, она их и познакомила. Ну, теперь, раз муж объелся груш, то и на Тайку она заодно злится.

– И что, никто в этом «Дворике» на нее не покусился?

– Так она же!.. Ну!.. Как тебе объяснить, я даже не знаю... Она когда начинает перед кем-то хвостом крутить, плакать хочется! – выпалила Леся.

Сама Леся отлично понимала, что контингент «Дворика», во-первых, птицы невысокого полета, во-вторых – для нее староваты, а в-третьих – не законных жен они себе там ищут. Но ей там нравилось – было на ком отгачивать коготки и было перед кем играть роли – от беглой жены олигарха до незаконной дочери Джонни Деппа.

– Ясно, – сказал Митенька. – Ну, ты, сестренка, ее не бросай. Все должно быть под контролем.

– Всякий труд должен быть вознагражден, – ответила Леся.

– Не все сразу. Я тебя познакомлю с одним дяденькой, а ты его познакомишь с Анечкой. Референт имел в виду Ромуальда, с которым еще как-то нужно было помириться.

Успенский, выслушав доклад, остался доволен.

Но Успенский не знал, какие события разворачивались в Анютиной квартирке, а она ему ни о чем не докладывала.

Двадцать восемь евро Анюта принесла домой и разложила на столе. Это была валюта! О том, что нужно покупать валюту на черный день, она знала. И очень радовалась, что теперь она – не хуже всех прочих. Конечно, двадцать восемь евро – не деньги, но чтобы чувствовать себя не хуже всех прочих, такая сумма тоже годится.

Таскать четырнадцать крупных монет с собой Анюта не хотела. Нужен был тайничок. И он нашелся сразу.

Когда дома был муж, Анюта кое-как кулинарила. Когда муж ушел – стряпала мало, только для ребенка, и совершенно перестала печь и тушить. Ненужную посуду – сковородку с крышкой и гусятницу – она засунула в духовку и уже довольно долго ее не открывала. Решив, что ни один вор не станет искать валюту в духовке, Анюта завернула столбик монет в рекламную листовку и положила в гусятницу.

Два дня спустя Успенский сказал, что ее работа завершилась – фамилии и прочие данные клиентов из рабочего журнала она перенесла в компьютерную память, так что вот последние четыреста рублей, сто – для бабульки, караулящей Феденьку, и полная свобода в придачу.

Анюта не ожидала такого стремительного завершения своей карьеры. Она поблагодарила, деньги взяла, но из салона не ушла, а еще полчаса просидела в гостевом кресле. Потом она постучалась в «штаб-квартиру», где дядя Боря как раз и ждал этого стука, и спросила, нельзя ли ей тут поработать уборщицей.

– Уборщица у нас есть, – ответил дядя Боря. – Но ты можешь, Анечка, за две тысячи еще раз попробовать повозиться с монетами, как тогда. Работы – на час, а две тысячи за час на дороге не валяются. У нас уборщица получает десять тысяч – за эти деньги она каждый вечер, шесть раз в неделю, часа два тряпками шурует. И потом в «Steelballs» за пять тысяч полы в коридорах и кабинетах моет. А ты видела, какие там коридоры?

Анюта насупилась, чуть ли не десять минут бурчала, что у нее от такой деятельности головокружения, но дядя Боря был тверд – другого способа получить две тысячи в час он не знал. В конце концов Анюта согласилась.

Забрав коляску с Феденькой, она пошла домой, а дома ждал сюрприз: соседка Настя перехватила ее на лестничной клетке и сообщила потрясающую новость – приходил муж!

Но он не мириться приходил, а принес конверт с деньгами. Пожалуй, ему уже давно следовало это сделать, но вот собрался именно в тот день, когда Анюта была в «Инари». И она страшно расстроилась. Те десять тысяч, что лежали в конверте, ее не утешили.

– Я говорю: Виталик, вряд ли она далеко убежала, подожди, посиди у меня, – докладывала Настя. – А он: нет и нет. Я ему: Виталик, посиди, хоть с Феденькой пообщаешься. А он мне: нет и нет!

– Как он выглядел? – спросила Анюта.

Настя догадалась, какой ответ требуется.

– Плохо он выглядел. Тусклый какой-то, небритый. Анька, помни мое слово – эта змеища сделала приворот! Вот он и чахнет! А не остался – именно поэтому!

Анюта сама пыталась приворожить Виталика и осталась своим замороженным колдовством недовольна. Даже разочаровалась во всех этих бабьих штучках. Но в приворот, сделанный соперницей, она поверила. И ей стало жаль глупого Виталика, которому змеища заморочила голову.

О том, что у беглого мужа еще до Анюты был со змеищей бурный роман, Анюта в тот миг забыла. Ей показалось: все еще можно как-то поправить!

Настя зашла выпить кофе, потом вместе смотрели телевизор. И Анюта усердно думала: не может же быть, чтобы он забыл все хорошее, что случилось между ними по ночам!

Потом Настя побежала к себе, Анюта занялась хозяйством, покормила и уложила Феденьку... чего-то не хватало для счастья...

Набрав в ванну почти горячей воды, она улеглась, разнежилась, потянуло в сон. Засыпать в ванне опасно, и Анюта удерживала себя на грани. Именно там явился ей Виталик с объятиями.

Потом она перебралась в постель. Феденька, к счастью, очень хорошо заснул. И Анюта, горячая и почти счастливая, устроилась поудобнее, обняв подушку. Сон вернулся, но ненадолго. И утром она поняла: это знак, муж думает о ней!

Значит, нужно готовиться к его возвращению. Как? Она знала только один способ – принарядиться. И два дня придумывала себе наряды, даже кое-что купила.

А на третий день Анюту вызвали в «Инари» и оставили в «штаб-квартире» наедине с кучкой денег и зажженной свечой.

Анюта сразу не стала возиться со всей кучкой, а заинтересовалась микроскопом и рассмотрела несколько старинных монет, как она предположила – золотых.

Оказалось, что среди монет у нее есть фавориты – двухеврики. Анята с особой заботливостью сложила их в отдельный столбик. Из других монет она смастерила конусы.

Дядя Боря и Дмитрий смотрели на экран и перешептывались, пытаясь найти в Анятиных действиях хоть какой-то смысл. А смысла не было – она хотела добиться симметрии, и только. Еврики – посередке, конусы – вокруг, словно водят хоровод.

Этот хоровод тронулся с места, закружил – Анята, сама того не зная, воображаемым кругом и соответствующим ему движением ладони над монетами ввела себя в транс. Потом руки принялись растирать друг дружку. Между ладонями возник жар. И пальцы пустились в самостоятельное плавание над монетами. Они сами, без подсказки головы, схватили столбик двухевриков и конус из других монет. Живое тепло ладоней и загадочное тепло денег должны были встретиться.

Голова была пуста. Левая рука, в которой еврики, повернулась ладонью вверх, несколько монет соскользнуло на стол. Правая выронила конус, он рассыпался, и правая подобрала большой старинный талер.

Монеты нельзя было выпускать на свободу, их следовало замкнуть в кулаки и довести их тепло до предела. Анята стала бить кулаками об стол – все скорее, пока жар не стал опасным. Тогда она со стоном отбросила монеты.

Но ровно за полмига до того, как они улетели, Анята пришла в себя и осознала движение кистей, при котором кулачки резко раскрываются и дают своей горячей добыче сильный толчок.

Почувствовала она также, когда попыталась встать, головокружение и сильное сердцебиение. Нужно было посидеть и успокоиться.

– Идем, – сказал дядя Боря. – Возьми у девочек какие-нибудь таблетки от головной боли и от давления, что ли. Нужно привести Анечку в порядок. И хвалить, хвалить!

Анята все же имела какую-то хитрость. Этой хитрости хватило, чтобы соврать: в большой старинной монете есть что-то этакое, тепло, что ли, а в двухевриках – ничего особенного, и они были брошены на пол непонятно почему.

– Но ты же их взяла, Анечка? Взяла?

– Просто так, Борис Семенович. Они новенькие, блестящие... и вообще валюта...

– Ладно, возьми себе пару евриков на счастье, – позволил дядя Боря.

Аняту дважды просить не пришлось.

Дома она, повозившись с Феденькой и уложив сыночка, полезла в духовку – прибавить к четырнадцати монетам еще три. Пестрая листовка, в которую Анята завернула столбик монет, сама собой в сковородке развернулась. Анята выгребла деньги на кухонный стол, прибавила сегодняшнюю добычу и пересчитала. Получилось девятнадцать.

Анята задумалась – как так? Самый простой ответ был – тогда Леся дала ей не четырнадцать монет, а шестнадцать. Очевидно, нужно было при встрече отдать Лесе два двухеврика. Анята отложила их в сторонку и задумалась. Семнадцать монет – ни то ни се. А девятнадцать – это почти двадцать. И она решила – если Леся вспомнит, нужно будет отдать. Но если не вспомнит – промолчать. Потом раздобыть еще один двухеврик – получится двадцать монет, сорок евро. Это уже не хухры-мухры, это валюта!

Глава четвертая

Лео и Кречет сидели на палубе речного трамвайчика, поставленного на вечный прикол возле каменных ступеней, ведущих к реке. Это был дальний конец Октябрьской набережной, уже за Октябрьским мостом. Более двадцати лет назад речной трамвайчик преобразили в модный ресторан. Даже слишком модный – недели не проходило, чтобы там не палили почем зря и не сбрасывали посетителей в воду. Со временем страсти поутихли, появились другие кабаки, куда более комфортабельные. Летом на суденышке еще кое-как работала кафешка для тех, кто, невзирая на запреты властей, купался и загорал поблизости. Еще пустая набережная по вечерам привлекала байкеров. Они гоняли с невообразимой скоростью, потом пили пиво на палубе и были совершенно счастливы.

– Хорошее место, – одобрила Лео.

Ей не только место – Кречет тоже нравился. Прадед учил Лео быть свободной, а Кречет как раз и воплощал эту самую свободу: занимался интересным делом – охранными системами для дорогих автомобилей, гонял на классном байке по дорогам и на квадроцикле – по лесам и болотам; еще у него была коллекция варганов, на которых он исполнял непривычные для европейского уха мелодии; сам он по крови был невесть кем – скуластое лицо и раскосые синие глаза. Лет ему на вид было от тридцати пяти до сорока, сложение – достойное внимания самой придирчивой девушки, да еще отличный загар. А Лео незадолго до смерти прадеда рассталась с мужчиной, который мечтал запереть ее дома и научить жить по принципу трех «К» – «Kinder, Küche, Kirche».

– Пиво будешь? – спросил Кречет.

– Здешнее?

– Да, у нас своя пивоварня. У нее хорошие – «Старая пристань» и «Леший». А «Мельницу» не бери, «Мельница» у них уже вообще ни на что не похожа.

– Я бы что-нибудь съела.

– Только не здесь. Выпьем по кружке «Старой пристани», и я тебя повезу в более приличное место.

– Но сперва все обсудим.

– Ну, давай обсудим.

Лео помолчала, глядя на воду. Вечер был безветренный, вода – гладкая, как зеркало. Где-то поблизости звучала музыка – не попса, а что-то классическое, вроде симфонии. Хотелось просто смотреть на воду и на тот берег, поглядывая исподтишка на мускулистую руку Кречета, отдыхающую на фальшборте суденышка. Пахло настоящей вечерней свежестью – когда город угомонился и дневные запахи улетучились, хорошо сидеть на берегу и наслаждаться.

– Я хочу заниматься бизнесом в России, это решено, – сказала Лео. – Сам видишь, я говорю по-русски свободно. Мужчины нашего рода часто женились на русских эмигрантках.

– Так ты, чего доброго, графиня или княгиня?

– Нет, титула у меня нет, но я могу найти родню – дед моего прадеда был женат на княжне Маецкой, отец моего прадеда – на девушке из рода Шереметевых, брат моего отца – на девушке из рода Давыдовых, все это я помню, и у меня есть сканы брачных свидетельств.

– Как у вас все серьезно...

– Да, это – серьезно. Так вот – дед мне оставил достаточно денег, чтобы начать бизнес, но я не знаю ваших законов, я не знаю, как живут люди. Я хочу устроиться в какой-нибудь банк на самую скромную должность, проработать несколько месяцев и понять, что тут у вас происходит. Опыт у меня есть, я работала в банке.

– Интересно... А ты свой байк тоже сюда перевезешь?

– Я уже давно хочу купить новый. Ты, наверно, не понимаешь, почему я здесь, а не в Москве. Здесь у меня больше возможностей. И я была в Москве – мне там не понравилось.

– Интересно...

– Я хочу снять квартиру, а потом купить жилье. Когда пойму, где в Протасове можно спокойно жить.

– Квартиру мы тебе найдем, – пообещал Кречет. – Сивый с Машкой съехались, похоже, это у них основательно. Так что квартирешка, которую Сивый снимал, освободилась. Может, временно. Может, он опять туда вернуться захочет. Если тебя это устраивает – я с ним поговорю. А насчет работы – есть у меня на примете один банк, я спрошу, нужна ли им... ты кто?..

– Я работала в операционном зале, потом заведовала этим залом. Могу начать с нуля, так будет даже лучше.

Лео хотела, проработав немного в любом банке, найти возможность перебраться в «Трансинвест». Покойный прадед собрал всю необходимую информацию. У Лео были даже портреты банковских служащих. А потом, внедрившись, она уже могла спокойно придумывать, как вывезти и где спрятать Иксюльскую плиту.

Но сперва – проверить прадедову гипотезу!

Гипотеза была безумна – однако что в этой истории с плитой было разумно?

Прадед писал: тамплиерский герб – ключ к разгадке, он полон мистического смысла, а смысл бытовой к нему прицепили уже потом. Если понять это, все остальное осознается легко и просто. И тамплиерский герб на плите – именно то, что образует вокруг себя магию.

– Если хочешь, можно съездить к Сивому с Машкой, – предложил Кречет. Лео усмехнулась – не позвонить, а съездить! Это хороший знак – Кречет хочет провести с ней вечер.

– Можно, – согласилась она, отмечая, что зародилась вечная игра между мужчиной и женщиной, которую можно свести к краткому диалогу: «Хочешь? – Да» или «Хочешь? – Нет». Кречет еще не вызывал решительного «да», она пока оценивала его хладнокровно: интересное лицо, красивые руки, прямые широкие плечи, вот только волосы... Трудно было понять – то ли понемногу начинает терять шевелюру, и потому стрижется коротко, то ли русые волосы от природы легкие и мягкие, которые красиво вылепленную голову не украшают.

Когда они спускались по сходням на берег, Кречет шел первым и протянул ей руку. Она оперлась – легонько, только обозначив движение. Его байк стоял у каменной тумбы, из которой вырастала длинная железная нога причудливого фонаря. Лео надела шлем, села позади Кречета и устроилась поудобнее. Она не любила ездить пассажиркой, но сейчас в этом была особая радость – приятно чувствовать, что тебя отгородила от мира широкая мужская спина.

Настоящей любви в жизни Лео пока что не было, увлечения оказались короткими и необязательными. Прадед, которому она как-то покаялась во всех женских грехах, предупредил: с ним было то же самое, и вообще в роду у них – не столько нежные чувства, сколько холодный, как шампанское из ведерка со льдом, азарт. Прадед даже пошутил, что во всем виноваты гормоны, кому-то их дано больше, кому-то меньше. Лео согласилась – какие могут быть претензии к генетике?

Кречет, когда Лео нашла его, не очень-то хотел встречаться и общаться – других забот хватало, к тому же он перепутал Лео с другой девицей-байкершей, страшной, как смертный грех. Когда он пришел в гостиницу, где остановилась Лео, то был приятно удивлен и сразу стал пробовать девушку на прочность. Но его заигрывания оказались бесполезны, и в самом деле – какая красивая девчонка сразу, после двадцати минут знакомства, согласится лечь в постель? Он это сам прекрасно понимал и дал задний ход. Потом, когда он катал Лео по Протасову, показывал всякие занятные местечки, ввел в местную байкерскую тусовку, стали выстраиваться отношения – вроде бы приятельские, но с перспективой перетекания в иные. Кречета смущало только, что Лео, по его понятиям, была очень богата.

У него был в прошлом неудачный брак, неудачный во всех отношениях – жена после развода нашла себе богатого норвежца и увезла сына в какой-то захолустный норвежский городишко. Кречет понимал, что ребенка он уже не увидит никогда, разве что выкрадет. Эта история еще не завершилась – жена требовала, чтобы Кречет отсекся от мальчика и дал возможность богатому норвежцу его усыновить. Сама она родила новому супругу двух дочек.

Естественно, одиночество Кречету не угрожало, и найти себе подругу он мог легко. Было у него что-то вроде отношений с женщиной, которая работала в «Часовом», три-четыре раза в месяц они встречались у нее дома. Но умный Владимир Петрович, начальник Кречета по службе, сказал:

– Это она после развода себе такой санаторий устроила. Придет в себя – найдет хорошего мужичка. Может, еще даже влюбится. У вас ведь не любовь, так?

– Нет, не любовь, – честно ответил Кречет.

И вот появилась Лео.

Кречет не верил, что она собралась всю жизнь провести в Протасове. И понимал, что в краткосрочных романах она не нуждается, не поиск партнера у нее на уме, а что-то совсем иное. Вроде появляется взаимная симпатия, но какая-то она обреченная, безнадежная.

Они вместе отправились в гости к Сивому и Машке, Сивый выгнал из гаража свой байк, вчетвером они помчались к речке Берладке – купаться, потому что ночное купание – это кайф. Опять же – лето на исходе, нужно ловить предпоследние теплые дни и ночи.

На следующий день Кречет позвонил Дмитрию Потапенко – хотел убедиться, что два охранника, посланные в «Инари», прижились и ладили с коллективом и с начальством. Это был короткий полуминутный звонок. Но Митенька успел сказать, что начальство, Борис Семенович, додумалось покупать новый внедорожник, таких размеров, что там можно установить джакузи, и придется ставить самую крутую сигнализацию. Это Кречета обрадовало – он любил блистать своими профессиональными знаниями. Договорились вместе ехать в салон смотреть эту потрясающую колымагу. Предстоял отличный тест-драйв, Кречет такие приключения любил. Приглашать Лео он не стал – хоть она и разбирается в технике, но ведь будет разговаривать, а для тест-драйва нужно сосредоточиться.

Пока Кречет нарезал круги и выкручивал восьмерки, Лео успела сходить к «Трансинвесту», изучить обстановку. В «Инари» она не заглянула – это было бы преждевременно. А вот соседние магазины и кафешки посетила – туда должны заглядывать труженики и труженицы «Трансинвеста» и непонятной фирмы «Steelballs».

Напротив «Инари», через дорогу, был сквер с детской площадкой. Там сидели на лавочках матери и бабушки, там шла своя жизнь – женщины давно перезнакомились, всю общались, оставляли малышей под присмотром, чтобы сбежать за продуктами. Лео села на скамейку с края, собираясь всего-навсего отдохнуть и понаблюдать за дверью «Инари». Она уже навестила три кафешки, выпила три чашки кофе, поняла, из которого окна что видно и где засесть ближе к вечеру, чтобы сфотографировать выходящих женщин, теоретически работающих в операционном зале.

Рядом с ней присел мужчина в том возрасте, когда человека уже можно назвать старичком, но старичком бодрым, еще способным на подвиги. О будущих подвигах говорил букетик разноцветного душистого горошка, который мужчина очень осторожно положил рядом с собой на скамейку.

Пожилой кавалер был худощав, морщинист, беловолос и белоус, одет в светлые джинсы и джинсовую курточку. При себе у старичка была сумка на ремне, из этой сумки он достал планшет в хорошем кожаном футляре. Он вставил в уши наушники и вывел на экран какой-то боевик со взрывами и кувыркающимися в воздухе горящими автомобилями. Интерес к боевику у него был несерьезный – старичок то и дело поглядывал на двери «Инари».

Лео заинтересовалась – не ждет ли этот кавалер невесту, ушедшую погадать – будет ли брак счастливым? И точно – вышла из салона пожилая и очень ухоженная женщина в приличном брючном костюме, с удачной стрижкой. Дедушка устремился к ней, поднес букетик, и они ушли вместе, а Лео вздохнула: надо же, на закате дней их любовь настигла...

Она замуж не хотела – не встретился пока мужчина, чьи разбросанные по всей квартире носки она была бы готова безропотно собирать изо дня в день. Гормоны своим молчанием сообщали: нет, не тот, и этот – не тот, и этот... Пробовала, что греха таить! Пробовала...

Но стоило ей задуматься о таком гипотетическом мужчине, как к зданию «Трансинвеста» подкатил на байке Кречет. Он въехал в переулок, куда выходили двери «Инари», оставил там байк и побежал к дверям банка. Лео поняла, что не зря сидит в сквере и слушает детский галдеж. Минут пять спустя Кречет вышел с полным лысым мужчиной лет этак шестидесяти, их сопровождал другой, тридцатилетний. Красавец-джип, стоявший поблизости от «Инари», приветствовал их писком и распахнул дверцу.

Шестидесятилетний сел за руль, тридцатилетний – рядом, Кречет оседлал байк, и все они умчались неведомо куда.

Лео подумала: если Кречет знаком с кем-то из руководства «Трансинвеста», то грех этим не воспользоваться. Вывод простой – хватит мельтешить возле банка, пора ехать к Сивому и устраивать переезд из гостиницы в его квартиру.

Приняв такое мудрое решение, Лео встала и окаменела.

Маленькая блондинка, выйдя из «Инари», пересекала переулок, не глядя по сторонам, и чудом не угодила под круто свернувший с Речной «опель». Но зазеваться на улице – дело обычное, другое было странно – блондинка словно не заметила резко затормозившей и проскользившей по асфальту машины. Разве что остановилась на миг – как пьяный в поисках утраченного равновесия. И взяла курс на лавочку, где сидели бабушки с колясками.

Блондинка, одетая в мини-юбочку и майку невнятных цветов, классическая серая мышка, прошла мимо Лео, опять остановилась, провела рукой по лбу и дальше действовала уже осмысленно – протянула бабушке банкноту, забрала коляску и покатила ее по Савельевскому переулку.

Интересно, подумала Лео, ну просто очень интересно, чем там занимаются, в этом «Инари». Прадед собрал кучу информации, но что касается именно этого заведения – все было очень банально. В «Инари» снимали «венц безбрачия» (Лео не представляла, что это такое), предсказывали судьбу и проводили обряды для привлечения денег (это прадеда заинтересовало, потому что могло быть связано с Иксюльской плитой, но он, гоняясь за информацией, набрел на форум домохозяек, где как раз обсуждалась полная профнепригодность дам из «Инари», а заодно описывался обряд, на редкость глупый).

Но идти в салон пока не стоило. Во-первых, Лео не ощущала на своем лбу «венца безбрачия», во-вторых, если после обрядов люди выходят невменяемые и несутся прямо под автотранспорт, то лучше с этим заведением не связываться.

Она совсем было собралась уходить, но тут в сквере появилась еще одна особа – невысокая толстушка, одетая несообразно фигуре – в лиловые леггинсы и пестрый блузончик, едва прикрывавший задницу. Причесана она была так, что Лео, зная тот русский язык, на котором говорили лет тридцать назад благовоспитанные люди, и добавившая немного лексики с базаров в Ключевске и Бережинке, даже не могла найти в нем подходящего определения. Воронье гнездо по сравнению с этой прической было образцом изысканности и симметрии. Вот разве что цветом волосы перекликались с леггинсами.

Толстушка зашла в банк, через пару минут выскочила, устремилась к бабушке, получившей деньги от блондинки, быстро с ней посоветовалась и поспешила вдаль по Савельевскому. Надо полагать, помчалась догонять подругу. И опять Лео сказала себе: пора уходить, и опять какое-то шестое, седьмое или восьмое чувство приказало: задержись! В сквер вернулись бело-

головый старичок и его дама. На сей раз они не любезничали, а почти беззвучно переругивались. Уж что им в сквере не понравилось – Лео не знала, но только они прошлись взад-вперед по Речной, полюбовались Афанасьевским домом и тоже ушли по Савельевскому.

Вот теперь интуиция замолчала, и Лео достала смартфон, чтобы вызвать такси.

Ночевала она уже в съемной квартире и даже произнесла заклинание, которому обучила родная тетка – та, что из Давыдовых: «На новом месте приснись, жених, невесте!» Приснился Кречет. Да и неудивительно – из всех знакомых последнего времени он был самый привлекательный. Одни синие раскосые глаза чего стоили!

Он объявился утром – позвонил и даже обиделся, что переезд совершился без него. Эту обиду Лео поняла: думал, что перетаскивание двух сумок на колесиках может стать пропуском в постель. Но ссориться с байкером она не стала – он был ей необходим. Она разобралась наконец, что такое российский вид на жительство, решила, что это должно пригодиться, а Кречет, который всю жизнь прожил в Протасове, да еще работал в охранной фирме, наверняка знал все ходы и выходы по части документов. К тому же он мог помочь просочиться в «Трансинвест».

Они назначили встречу на Арсенальной, недалеко от «Часового». Лео позволила Кречету пригласить себя в кафе «Монте-Кристо» и рассказать, как вчера ездили смотреть будущую машину Успенского, президента «Трансинвеста», как устроили ей тест-драйв и остались не слишком довольны.

– А ты бы не мог привести меня в этот «Трансинвест»? – спросила Лео.

– Поговорить с Семеньчем я могу, это нетрудно. Только банк, как бы тебе сказать... не в первой десятке, понимаешь? У Семеньча есть другие бизнесы, которые кормят. На что ему банк – могу только догадываться. Там какие-то мутные схемы с прокачкой денег.

– Понимаю. Но ты меня с ним как-нибудь познакомь, с этим Семеньчем. Я за деньгами не гонюсь, мне нужен опыт. Немецкий опыт у меня есть. Если он пригодится – мне будет легче выдвинуться в банке из второй десятки. А потом можно подумать о первой.

Лео улыбнулась.

Если причудливая гипотеза прадеда окажется реальной – не будет больше необходимости в бизнесе. Но сперва нужно попасть в «Трансинвест» и добраться до Иксюльской плиты. Прадед считал, что ее спрятали в подвале здания. Скорее всего, так и было – здание новое, могли специально сделать помещение для плиты. Как попасть в подвал – Лео пока не представляла, но знала: возможность найдется!

– Я прямо сейчас ему позвоню, – сказал Кречет. – Только ведь неизвестно, есть ли там вакансии.

– В операционном зале вакансии есть всегда.

Лео знала, что такое быть оператором. Это – сидеть, сидеть и еще раз сидеть на заднице, отрешившись от всего земного и плавая в цифрах, держа при этом в голове схемы действий для обычных требований клиента. Есть женщины, которых это устраивает. Обычно это женщины, для которых восемь скучных рабочих часов – неизбежное зло, но метаться и искать приключений они не станут – жизнь давно налажена, есть муж и двое детей, дом и родня, конкретные планы на будущее с учетом отпуска и зарплаты. А девица на выданье хочет работать там, где водятся женихи, а не постные рожи по ту сторону барьера.

Кречет позвонил дяде Боре и спросил, не нужна ли девочка в операционный зал. Дяде Боре Кречет частенько бывал нужен, так что решительного отказа не было, а предложение привести соискательницу было.

– Мне сейчас на работу нужно, – сказал Кречет. – А после шести можем сходить в банк на смотрины.

Лео отметила – не посылает ее с напутствием «скажи, что от Кречета», а сам с ней собрался идти. Похоже, крепко зацепила. Вот только ничего в душе, кроме искренней симпатии, не просыпается. Наверно, прадед был прав, и ленивые гормоны – их родовое проклятие.

Договорившись о встрече, они расстались. И Лео пошла налаживать домашний уют.

В половине шестого она была в сквере, откуда просматривались входы в банк и в «Инари». В течение получаса в банк вошло пять человек, вышло четыре, в «Инари» вошла одна женщина – и там застряла. Из чего Лео сделала вывод: оба заведения находятся, возможно, при последнем издыхании. И в самом деле, пик интереса к гадальным заведениям давно миновал, а банков даже в скромном Протасове было не меньше двадцати – в основном филиалы столичных.

Следующий вывод был: тайну Иксюльской плиты наследники барона фон Апфельдорна пока не раскусили. Пытались, раз уж притащили плиту в подвал, но безуспешно. Иначе банк бы процветал. Наметился другой вариант: раскусили, а загнивающий банк держат для прикрытия, чтобы как-то объяснить человечеству свое благосостояние. Деньги же вкладываются – ну, допустим, в логистику. Но, если так, какого черта они сидят в захолустном Протасове? Ведь могли бы поселиться хоть в Голливуде!

Прадед, скорее всего, связался бы не с подозрительным «Трансинвестом», а с кем-то из его конкурентов и посадил банк в лужу, или в галошу, или во что там принято сажать у этих русских. То есть довел бы до того состояния, что «Трансинвест» лишился бы хорошего здания в центре города. И вот тут самое время подстеречь, когда будут вывозить Иксюльскую плиту.

Лео задумалась, выстраивая еще и такой план действий. Но ее отвлек стук копыт.

По Савельевскому переулку ехала всадница. Она была в белых галифе, в черной курточке, в дорогих рыжих сапогах. Из-под жокейской шапочки выбивались очень светлые волосы. Конь под ней был самой скромной гнедой масти, но высокий и тонконогий.

Дети, игравшие в сквере, поспешили – попасть поближе к живой лошади, бабушки подняли шум. Всадница проехала мимо сквера, свернула на Речную, и тут до Лео дошло: не блондинка, нет, просто седая! И следующим озарением было: уж не она ли побывала вчера в «Инари»?

Позвонил Кречет, сказал, что будет через пять минут. Лео встала, одернула жакетик, огладила на боках юбку. У нее была юбка, купленная для деловых встреч, по нынешним понятиям даже длинная – на ладонь выше колена. Как производить впечатление на работодателей, Лео знала.

Подойдя к углу, за которым был вход в банк, Лео снова услышала стук копыт, обернулась и увидела всадницу в белых галифе. Именно там, где она появилась несколько минут назад.

«Черт возьми, дежавю, настоящее!» – подумала Лео. Но подсознание с его мистическими шутками было ни при чем – всадница просто объехала вокруг квартала, благо был он невелик.

Некогда было анализировать эти кавалерийские маневры, Лео не хотела заставлять Кречета ждать. Девичьи шутки с опозданиями были не в ее духе.

Он подъехал к перекрестку и свернул в Савельевский.

– Я видел то, что тебе нужно, – сказал он, поставив байк в удобном месте. – «Валькирия», красная, привезли под заказ, но что-то там не срослось. Двенадцать тысяч баксов. Можем завтра вечером съездить, посмотреть.

– Куда съездить?

– В Бережинку. Там у Цыгана фазенда и полный сарай железа. Место надежное, по двору два алабая бегают. Заодно посмотришь на фэт-байк. Интересная игрушка, складной, двадцать пять кило всего, и то половина – аккумулятор.

– На кой он Цыгану?

– Для тещи, на базар за картошкой ездить. Туда она педали крутит, обратно – на электричестве. Говорит – очень довольна.

Что такое байкерская тусовка и приближенные к ней лица – Лео знала. Она бы не удивилась, если бы годовалый сын Цыгана выехал навстречу на байке подходящего размера.

Когда ее приятель Фред поехал помогать другому приятелю, Уве по прозвищу Кеттенкрад, разгрести старый подвал, обнаруженный случайно, при попытке пристроить к загородному дому веранду, они выволокли оттуда чуть ли не центнер всякой дряни, но в глубине подвала обнаружили мотоцикл «Zundapp» с коляской, выпущенный в сорок третьем году. Чтобы поднять его на поверхность, собралось человек двадцать байкеров, и офисные труженики, нанимавшие для ухода за своими сверкающими байками специалистов, грязные и счастливые, возились в этом подвале, кряхтели, кричали и чуть ли не целовали реликвию. Потом Уве вбухал кучу денег в реставрацию, и никого это не удивило: на него бы посмотрели косо, если бы он оставил «Zundapp» ржаветь в сарае. Все, имеющее колеса, имеет и душу; никто из байкеров не признался бы в такой ереси, но в глубине души они считали свои мотоциклы живыми и способными к диалогу.

– Хорошо, посмотрим, – сказала Лео и приготовилась выдержать допрос хозяина «Трансинвеста».

Глава пятая

Анюта очень не хотела говорить Лесе про ее ошибку. Подумаешь, дала подружка пару лишних монет, дала – и сразу же про них забыла. Так что Анюта решила: если Леся вспомнит про эти еврики, сразу достать и вернуть, а не вспомнит – значит, такая их судьба, они останутся в духовке.

В Анютиной жизни было несколько простых истин. Первая – нужно получить профессию. Поэтому она не очень сопротивлялась, когда отцовская родня по знакомству определила ее в техникум. Бухгалтер – хорошая профессия для женщины, а если еще устроиться в большой магазин, так совсем замечательно, все акции и скидки – твои. Вторая – нужно выйти замуж. Тут Анюта неправильно поставила задачу: не «выйти замуж», а «быть замужем». Теперь она эту ошибку расхлебывала. Третья – нужно родить ребенка. Ребенок получился хороший, грех жаловаться, вот бы еще теперь вернуть ему папочку... или найти нового...

Седьмой или восьмой стала истина – нужно иметь валюту. Все-таки что-то за годы учебы в Анютиной голове застряло: она ориентировалась в курсе рубля при продаже и покупке, умела пересчитывать рубли на доллары, доллары на евро. Своей валюты она не имела – ее развлекали подсчеты, когда она шла с коляской мимо обменника и видела на стене витринку с курсами валют. Заодно она принималась мечтать, что сделает, если вдруг раздобудет и обменяет сто долларов, двести, триста.

И память на цены у нее была хорошая. Это очень удивляло мужа (практически – бывшего мужа): как можно сравнивать цены на гршовые творожные сырки в пяти супермаркетах и за полтора года?! И вот теперь у Анюты появилась важная задача – отслеживать курс евро, имея дома реальные, а не придуманные евро; из этой задачи вытекали маленькие праздники, когда курс рос, и маленькие огорчения, когда он падал. Жизнь обрела еще один смысл.

Леся оказалась хорошей подругой – у нее не было парня. Одни парни привередливы, им подавай тощеньких, другие не желают верить, что Лесе постоянно предлагают сниматься в кино. Так что Леся волей-неволей стала тем человеком, в которого должна была вцепиться Анюта.

Она стала зазывать Лесю в гости – то на чай, то на кофе. В сущности, Анюте было все равно, о чем рассказывает Леся, пока она занимается стиркой или лепит котлетки для Феденьки. Лесе же и в голову не приходило, что Анюта ее просто не слушает, и она радостно докладывала о своих воображаемых победах и приключениях.

Когда Дмитрий спрашивал кузину, нет ли у Анюты новостей, кузина даже не знала, что отвечать. А меж тем новости появились.

Анюта не читала книг, всю информацию воспринимала на слух. Так ей было проще. Волей-неволей, слушая Лесины враки, она кое-что явственно представляла себе. Например – как голая Леся позирует знаменитому художнику. Тут Анюта ничего с собой не могла поделать – картинки в голове появлялись сами. И даже художник, вдруг зашевелившись, полез к Лесе целоваться.

Ей вдруг захотелось, чтобы точно так же полез целоваться беглый муж. Ну очень захотелось! И очередное приключение Леси пролетело мимо ее ушей – тем более что руки и голова на самом деле были очень заняты, Анюта лепила рыбные котлетки.

Поняв, что Леся не спросит о четырех евро, Анюта обрадовалась и несколько дней не прикасалась к своей валюте. Но ей понадобилась большая сковородка с крышкой, чтобы приготовить овощное рагу из купленных по дешевке баклажанов. Она вытащила сковородку, открыла и удивилась – пестрая листовка опять оказалась развернутой. В голову пришла разумная мысль – положить деньги в коробочку из-под рахат-лукума. Анюта вынула оттуда два последних кубика

лакомства, один съела сама, другой дала Феденьке. Потом она выложила на стол свою валюту и, хотя пересчитывать не собиралась, это вышло как-то само собой.

Монет оказалось двадцать три.

Анюта забеспокоилась. Память на цифры у нее была хорошая – вот фамилии она запоминала с трудом. Перепутать девятнадцать и двадцать три она не могла.

Решив, что ошиблась, Анюта разложила деньги столбиками по пять монет. Получилось четыре столбика и три монеты отдельно. Тогда ей стало страшно.

Как многие молодые женщины, Анюта не то чтобы целенаправленно ходила в церковь, а захаживала – ставила свечки за здоровье Феденьки, да еще старшие женщины научили ее, что дома всегда должна быть бутылка со святой водой – умыть и поить прихворнувшее дитя. Анюта натянула хозяйственные перчатки, разложила монеты на большом блюде и обильно полила святой водой. Деньги не исчезли, но Анюте показалось, что от двух монет вроде как пошел парок. Она взяла эти монеты – очень осторожно, зачем взяла – сама не знала. Когда они оказались в пальцах, Анюта подумала, что хорошо бы их выбросить в окошко. Но это были не просто деньги – это была валюта. Целых четыре евро надежной валюты. И ведь кто-то их подберет!

Тут запел мобильник.

Анюта заметалась – нужно было куда-то сунуть две подозрительные монеты, снять перчатки, кинуть их на кухонный стол, схватить мобильник. Она все это проделала очень быстро и ответила Лесе, что прям-вот-щас включает электрочайник и мажет бутерброды! Леся же сказала, что бутербродов не надо, – она взяла пиццу и уже входит с этой пиццей во двор.

У женщины, которая несколько месяцев была занята исключительно ребенком, понятие о празднике резко меняется. До замужества у Анюты был праздник, когда с подружкой Дашей, в новой юбочке, в новых туфлях, она шла вечером в модное кафе, где могла позволить себе лишь чашку кофе, зато вокруг сидели обеспеченные мужчины и женщины в дорогой одежде, и она вроде как становилась одной из них. В пору беременности праздником был поход с мужем в обычное кафе – чтобы самой не готовить ужин. А вот потом, когда все время уходило на Феденьку, праздником стала покупная пицца, которую приносил муж, вдруг вспомнив, что надо избавить жену от кухонных хлопот хоть на четверть часа. Муж ушел – а пицца осталась праздничным лакомством, вселяющим не столько калории в желудок, сколько радость в душу.

Лучше всего для нее подходило большое блюдо, где лежали двухеврики, залитые святой водой. Анюта впала в ступор – как же быть, не выливать же такую воду в раковину! На полке стояла ваза, подарок бывшей свекрови, которая страх как не нравилась Анюте, и она уже думала, кому бы этого пестрого стеклянного уродца передарить. Анюта перелила в нее воду вместе с монетами и обрадовалась собственной находчивости. А тут и Леся позвонила в дверь.

У Леси были новости – ее на улице встретил очередной известный художник, чья выставка недавно открылась в галерее «Мираж», и предложил позировать. Анюта, простая душа, поинтересовалась, сколько художник за это заплатит. Леся как-то зажевала пиццей эту цифру, зато вспомнила, для чего ее командировал сюда кузен, и завела разговор о валюте: не хочет ли Анюта еще прикупить евро или долларов да нет ли смысла, накопив круглую сумму, положить ее в банк, чтобы росли проценты?

Анюта испугалась этих расспросов – ей вдруг показалось, что Леся что-то подозревает. Настойчивый взгляд круглых черных глаз подруги сделался прямо демоническим. И Анюта залепетала, что да, конечно, в банк, это правильно, открыть счет, можно на имя Феденьки. Тут сын пришел на помощь – он потерял соску и поднял ор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.